

INSPIRIA

ДЕНЬ, КОГДА

Я 김하림

깨어나지 말 걸 그랬어

ИСЧЕЗЛА

ПАМЯТЬ СЫГРАЛА С НЕЙ ЗЛУЮ ШУТКУ,
И ТЕПЕРЬ ОНА ЗАСТРЯЛА В ПРОШЛОМ

КИМ
ХАРИМ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Корея

Харим Ким

День, когда я исчезла

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44

Ким Х.

День, когда я исчезла / Х. Ким — «Эксмо», 2020 — (Ток. Национальный бестселлер. Корея)

ISBN 978-5-04-194699-9

НАСТОЯЩИЙ КОРЕЙСКИЙ ТРИЛЛЕР О ТАЙНАХ ПОДСОЗНАНИЯ И БЕЗГРАНИЧНОЙ СЕСТРИНСКОЙ ЛЮБВИ. Она не помнит 11 лет жизни. У нее не осталось ничего и никого. Даже воспоминаний о том, как любимая сестра совершила самоубийство. Когда Ёнён приходит в себя в больничной палате, она с ужасом понимает, что провела в коме одиннадцать лет. Последнее воспоминание — падение с крыши школы и тень, наблюдающая за ней. Девушка уверена, что была тогда на выпускном у своей младшей сестренки Сугён. Но выясняется, что та покончила собой, бросившись с этой же крыши, месяцем ранее. Вот только Ёнён этого не помнит — ни смерть сестры, ни того, что случилось после. Вплоть до самого своего падения... Оказавшись совершенно одна в чуждом ей мире, девушка обязана выяснить правду о смерти сестры. Она убеждена — Сугён не могла прыгнуть сама, с ней точно случилось что-то плохое. А все ответы кроются в том стертом из памяти месяце после ее смерти. Копаюсь в прошлом, Ёнён осознает, что совершенно не знала свою сестру. Сугён хранила слишком много секретов, которые и сейчас могут разрушить не одну жизнь...

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-194699-9

© Ким Х., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ким Харим

День, когда я исчезла

The Day I Disappeared
(Kim Harim)

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Минко Е., перевод на русский язык, 2023

© Похолкова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Пролог

Прохладный, слегка влажный ветер продувал насквозь. Со дня школьного выпускного прошла уйма времени. Что я позабыла здесь, на крыше чужой школы? Тягостные воспоминания вдруг волной нахлынули на меня. Возможно, именно они привели меня сюда. По архитектуре здания было понятно, что школа старая. Я схватилась за грязный бетонный парапет.

Будто находясь в забытьи, я сначала перекинула левую ногу, затем осторожно перенесла правую и оказалась на краю крыши. Потеряв баланс, тело слегка наклонилось, но, к счастью, снова обрело равновесие. Стоять здесь было небезопасно, я только что чуть не свалилась. Сердце от испуга колотилось как бешеное, заставляя кровь циркулировать быстрее. Взгляд упал вниз – у меня потемнело в глазах. Сорвешься – и мгновенная смерть.

По телу пробежал леденящий холод – на краю обрыва я и моя жизнь. Внизу не было никакого навеса, который бы мог защитить от падения с пятнадцатиметровой высоты. Стоит ветру усилиться, и я упаду, меня будет уже не собрать. Длинные волосы развевались на ветру и липли к лицу, отчего голова кружилась еще больше.

Выступ парапета был недостаточно широким, чтобы стоять устойчиво. Тело опасно зашаталось, словно я иду по канату и балансирую над пропастью. Ветер усиливался. Если б я знала, что кто-то стоит позади, то не стала бы совершать такие опрометчивые действия. Порывы ветра стали сильнее, подталкивая меня в спину. Но в этот момент, инстинктивно раскинув руки, я повернулась назад – и это спасло меня.

Все случилось за доли секунды, я даже не успела вскрикнуть. Ноги повисли в воздухе, а мои четыре пальца цепко впились в шершавый бетон парапета, предательски дрожа. Я нервно искала взглядом помощи. Вдруг я увидела чье-то лицо. Кто-то смотрел на меня сверху. Стало очевидно – меня толкнули.

Я просила о помощи, умоляла протянуть мне руку. Но незнакомец пристально смотрел на меня без малейшего движения. Яркий свет не позволял рассмотреть черты его лица.

Все мои чувства подсказывали, что еще мгновение, и я сорвусь с крыши. И вдруг я поняла: если упасть сейчас, то это будет уже не случайность, а убийство. Даже если мне удастся подтянуться и забраться, этот человек не оставит меня в живых. Но мне это уже не под силу. Пальцы не выдерживают напряжения, соскальзывают, и вот уже только два удерживают меня от неминуемой смерти. Из всех сил я напрягаю их. Тело пронзает острая боль. Раздается хруст – средний палец ломается. Внезапная боль вызывает лишь удивление. Я падаю вниз.

Глава 1

Слезы?

Наверное, из-за них мой взгляд затуманен и перед глазами все расплывается. В ушах слышится собственное дыхание. Время идет, очертания предметов становятся более четкими. Белый потолок, специфичные запахи. Опустив глаза, я замечаю длинный катетер капельницы, прикрепленный к моей руке. Над головой раздается ритмичный механический звук.

Кажется, я в больнице. Тело будто каменное, дышать удается с трудом, чувства притупились, мышцы словно онемели. Обоняния нет, я не уверена, что смогу заговорить. Полежав немного, я ощутила зуд вокруг носа и рта – на мне кислородная маска. Аппарат жизнеобеспечения для пациентов, которые не могут дышать сами. Я вспоминаю о Сугён, своей единственной сестре. Где она и почему я здесь в таком состоянии?

Взгляд Ёнён зацепился за чей-то силуэт. В палате находился кто-то еще. Она видела нечетко, но это явно была не Сугён. Через некоторое время, встретившись глазами с человеком, который в упор смотрел на нее, Ёнён узнала лицо женщины.

Получится ли заговорить? Она сделала несколько глубоких вдохов через плотно прилегающий респиратор. Ее голосовые связки напряглись, послышался хрип.

– Извините. – Сиплый голос будто был заперт в маске и не мог выйти наружу, он настолько изменился, словно был и не ее. – Что вы там делаете?

При каждом слове маска начинала двигаться, доставляя неудобства. Каждое слово давалось с трудом – горло горело, словно его обожгли. Ёнён поняла, что кроме них в палате никого нет, и снова попыталась заговорить:

– А где ваша дочь Минсо?

Женщина с удивлением смотрела на больную. Ёнён хотелось о многом расспросить ее, но без ответа на предыдущий вопрос было бы невежливо переходить к следующему. Ей показалось, что та разворачивается и удаляется от нее. Ёнён могла лишь следить взглядом за движениями женщины. Непонятно, то ли собралась уйти, то ли просто пошла прикрыть дверь, но вдруг она подошла ближе к кровати и протянула руку к кислородной маске Ёнён.

– Ёнён, ты...

– Где я? В больнице? – спросила Ёнён, начав самостоятельно дышать. Она так и не получила ответ на вопрос, почему мать Минсо находится здесь без своей дочери, но поспешила задать следующий вопрос. Ей не терпелось узнать побольше. Голова кружилась от непонимания. Ёнён задумалась над промелькнувшим воспоминанием. Как будто она где-то висит, вот-вот упадет и разобьется.

– Кажется, я упала с крыши школы, где училась Сугён.

Женщина хотела что-то ответить, но умолкла при этих словах. Она побледнела, но Ёнён не обратила на это внимания и продолжила говорить.

– В тот день у Сугён был выпускной. – Произнося эти слова, Ёнён осознала, что звучат они странно. До выпускного еще целый месяц. Непонятно. Как будто в пазле не хватало какой-то важной детали.

Женщина отрицательно покачала головой. Казалось, будто она дрожит. «Что с вами?» – хотела спросить Ёнён, но не решилась. И так слишком много вопросов осталось без ответа. Но не спросить про сестру она не могла: «Где моя сестра, Сугён?» Голос прозвучал так, словно она находится под водой.

Женщина пристально посмотрела на Ёнён и с каменным выражением лица подошла к ней. Она неспешно пододвинула стул поближе к кровати. Металлические ножки скребли по полу, нарушая тишину больничного покоя.

– Да, ты упала с крыши школы. Все так и было. Помнишь, значит, – сказала она и наклонилась к Ёнён.

– А потом что произошло? – поинтересовалась Ёнён.

– Потом? Когда? После падения с крыши?

Ёнён не могла понять суть вопроса. Снова вместо ответа последовал лишь сочувственный вздох. Исхудавшее бледное лицо женщины выглядело уставшим.

Сугён и Минсо были близкими подругами. Конечно, Ёнён знала в лицо маму Минсо. Но, посмотрев на нее сейчас, она почувствовала странную неловкость. Определенно знакомое лицо, но она словно смотрит на чужого человека. Почему же такая неловкость? Вдруг в голове один за другим стали всплывать обрывки воспоминаний – тут же ее пронзила резкая боль. Она упускала что-то важное, на что нельзя было закрыть глаза. Ёнён попыталась приподняться, но это оказалось непросто. Все тело охватила колющая боль.

Мне же на работу надо. Если лечение затянется на несколько дней, то придется брать больничный, как озарение пронеслось в ее голове. Окончив школу, она нашла работу с большим трудом. Это будет ее первый прогул за три года!

Мать Минсо долго молчала, о чем-то задумавшись, но о чем именно, Ёнён догадаться не могла. От этого ей стало не по себе. И вдруг женщина сказала:

– Все это случилось одиннадцать лет назад.

Ёнён не сразу смогла понять, о чем идет речь.

– Времени уже много прошло. Похоже, ты ничего не помнишь.

Мать Минсо замолчала, ожидая реакции Ёнён.

Вдруг Ёнён вспомнила, что так и не услышала ответ на главный вопрос, и переспросила:

– А Сугён где?

– Зачем о ней спрашивать?

– Где она? – Ёнён почувствовала странное ощущение, с дрожью в голосе она повторила вопрос.

– Зачем она тебе?

Ёнён не поняла встречного вопроса. Он казался настолько абсурдным, что девушка не сразу смогла собраться с мыслями и что-то ответить. Она прокашлялась и наконец сказала:

– Она ведь моя сестра.

Мать Минсо нахмурилась, а затем отвернулась и, тяжело вздохнув, произнесла:

– О крыше помнишь, а о Сугён забыла?

– Что вы имеете в виду? Крыша и Сугён какое имеют...

От затянувшейся паузы у Ёнён сжались кулаки, но сил в них не было. Заглянув в глаза женщины, она поняла, что многое уже не так, как прежде. *Что же изменилось?*

– Сугён мертва.

Это прозвучало как самая ужасная из возможных шуток на свете. Ёнён уставилась на нее. Она ждала извинений за такую бестактность, но лицо собеседницы выражало грусть, губы были плотно сжаты. Женщина пристально посмотрела на Ёнён:

– С головой у тебя явно что-то не то.

Обычно такое можно услышать, когда дети дразнят друг друга. Но Ёнён поняла, что мать Минсо говорила об этом абсолютно серьезно. Дыхание Ёнён участилось:

– О чем вы говорите? Но почему? Когда?..

Краткий ответ как ножом отрезал все вопросы:

– Одиннадцать лет назад.

– Одиннадцать?

– Именно. Похоже, из-за травмы головы ты все забыла...

– Но почему она умерла? Как? Когда? У вас есть доказательства? Зачем вы так шутите?

– Это правда.

– Когда это произошло?

– В 2009 году.

Выражение лица женщины ясно говорило о том, как ей надоело объяснять одно и то же. Но Ёнён не могла успокоиться:

– Сейчас 2009 год. Когда именно умерла моя сестра? Скажите дату!

В печальном взгляде женщины мелькнула горькая решимость. А губы, накрашенные красной помадой, произнесли нечто странное:

– Сейчас вообще-то... 2020-й. Поэтому и говорю – одиннадцать лет назад.

* * *

Ёнён рассеянным взглядом смотрела в потолок палаты. Услышанное никак не умещалось в голове. Чтобы принять новую реальность, нужно было время.

Врач и медсестра, которые только узнали, что пациентка пришла в себя, поспешили в палату, прервав своим появлением начавшийся разговор. Закончив обязательный осмотр, врач заверил Ёнён, что все в норме. Но добавил, что для выписки понадобится курс физиотерапии, потому что мышцы атрофировались. Что же касается памяти, то проблема, похоже, возникла еще за месяц до происшествия. Современная медицина в этом вопросе пока бессильна. Вернется память или нет, никаких прогнозов врач не дал.

Ёнён стала расспрашивать, что именно с ней произошло до и после падения с крыши, но врач и медсестра порекомендовали обращаться к ее опекуну Ли Санми. Ёнён попыталась разузнать подробности смерти сестры, но ее снова направили к Ли Санми.

– А кто такая Ли Санми? – удивилась Ёнён.

Как ни странно, мать Минсо и была Ли Санми.

Врач вышел, а медсестра осталась закончить необходимые процедуры и вскоре тоже ушла – в палате стояла тишина. Ёнён ощущала сильную слабость, она не могла сама встать с кровати. *Неудивительно, ведь я одиннадцать лет провела в коме.* Она никак не могла поверить, что упала с крыши школы, в которой училась сестра, и чудом осталась жива и что все это произошло одиннадцать лет назад.

Ей удалось узнать только, что Сугён погибла за месяц до ее падения. Видимо, Ёнён сама пришла в школу в день выпускного, через месяц после смерти сестры. Зачем она вообще пошла на выпускной, если сестры уже не было в живых? Но в ее голове не было ответа на этот вопрос.

После развода родителей они остались с отцом. Когда он заболел и умер, ей было всего восемнадцать, а сестре – пятнадцать. Ёнён стала старшей в семье. Она решила не поступать в университет, а пошла работать и соглашалась на любую подработку. Но для выпускницы школы, не имевшей особых навыков, которая готовилась не к трудоустройству, а к поступлению в колледж, шансы найти работу были крайне малы. В конце концов, отчаявшись, она пошла в свою школу с просьбой хоть как-то помочь. Благодаря рекомендациям учителей она устроилась на работу в туристическую компанию.

Карьеру Ёнён начала с самого низа. Чтобы удержаться на этой должности, ей приходилось учиться самостоятельно, не рассчитывая на какой-то курс от организации. Денег еле хватало на жизнь. Все, что оставалось, она бережливо откладывала. Ее главной целью стало отправить Сугён в университет. Хотя сестра была всего на три года младше, Ёнён чувствовала на себе огромный груз ответственности за нее.

Январь. Впереди выпускной, а в марте начинался новый учебный год¹. Во время каникул Сугён ни о чем особенно не заботилась. Она лениво проводила время дома, полностью забыв о делах. Ёнён не наседала на нее – позволяла вдоволь отдохнуть. Как-то раз за ужином она

¹ В Южной Корее учебный год начинается 1 марта, а выпускные проходят в феврале. (Здесь и далее прим. пер.)

решила спросить у сестры о поступлении в колледж и планах на будущее. На удивление, реакция была весьма бурной. Видимо, приблизительно в то время Сугён и совершила самоубийство. В памяти не осталось никаких воспоминаний об этом.

Ёнён повернула голову и напротив кровати увидела зеркало. Сотрудники больницы для ее удобства установили его именно там, потому что передвигаться свободно она еще не могла. Из глубины зеркала на нее смотрела незнакомка. Она не сводила с нее глаз.

* * *

Ёнён проснулась – вокруг темнота. Три часа ночи. Единственным источником света были огни ночного города, проникавшие через окно. Ёнён уже по привычке повернула голову к зеркалу – растрепанные волосы лежали на руке. И без того холодные руки еще больше ооченели. Не обращая на это внимания, она руками потянулась к полу. Ноги тоже бессильно спустились с кровати. В теле не осталось мышц, руки и ноги ужасно дрожали. Казалось, она вот-вот упадет. Ёнён пришлось напрячь все свои силы, чтобы доползти до стены возле зеркала, которая была всего в двух метрах от нее.

Какая-то женщина испуганно смотрела на нее из зеркала. Но если присмотреться, то становилось понятно, что на самом деле женщина охвачена не страхом, а горем. Это была та же женщина, на которую она смотрела с кровати. Внешнее сходство угадывалось лишь частично. Лицо до того осунулось и исхудало, что смотреть на себя становилось невыносимо, словно это была не она, а совершенно другой человек. Глаза безжизненные, пустой взгляд, неухоженная обвисшая кожа. Выглядит не меньше чем на сорок. Какой жалкий вид! Ей тут же вспомнилось лицо сестры, будто она видела ее вчера, – пухлые гладкие детские щечки. Вытирая слезы, Ёнён погладила себя по лицу. Прикосновения вызывали лишь отторжение. Трудно было поверить, что женщиной, которая плакала перед ней в зеркале, была сама Ёнён. Отражение было не просто старше Ёнён на одиннадцать лет. В нем чувствовалась глубокая печаль, которая появляется только у того, кто долгое время страдал. Кажется, все те мучения, которых она не чувствовала, пока лежала в коме, изменили ее лицо до неузнаваемости.

Никому не отводится одинаковое количество времени, и для всех оно течет по-разному. Пока ее сознание было почти мертво, ее тело испытывало на себе ход времени. Ёнён смотрела на себя в зеркало и постепенно свыкалась с мыслью, что это она. Не было больше и намека на двадцатилетнюю молодость. Будто ее душа вселилась в чужое тело, и теперь она вынуждена так жить. Она потеряла все, что у нее было, даже саму себя. Но потрясение от потери сестры было гораздо сильнее. В это невозможно было поверить. Ёнён не видела ее смерть своими глазами, поэтому и в памяти ничего не осталось.

Вдруг открылась дверь и зашла медсестра. Не желая будить пациентку, она не стала включать большой свет, лишь зажгла ночник, но, посмотрев на пустую кровать, удивленно вскрикнула:

– Что вы там делаете?

Медсестра подбежала к Ёнён и стала поднимать ее с пола. Обессилевшие ноги не слушались и волочились, как плети.

– Что вы там делали? – продолжала возмущаться медсестра.

– Хотела посмотреть в зеркало.

– Я вам принесу косметическое зеркальце. И дам успокоительное. Вы сможете поспать.

– Я правда... Ким Ёнён?

– Что?

– Где моя сестра?

– Вы ведь уже знаете. Ваша сестра...

– Почему Сугён совершила самоубийство?

– Откуда мне знать... Ложитесь поскорей. Не надо хвататься за меня, ложитесь! Вам необходим постельный режим.

Ёнён не слушала слова медсестры. Ей было неловко от того, что она доставляет столько хлопот, но иначе никак.

– Отыщите Сугён, пожалуйста!

– Сначала прилягте! – По лицу медсестры было заметно, что ей порядком надоело это слушать.

– Неужели и правда одиннадцать лет прошло?

– Да, правда.

– Расскажите мне. Почему я упала с крыши?

– Я этого не знаю. Отпустите мою руку и ложитесь.

Ёнён продолжала сидеть на кровати. Она снова повернула голову и посмотрела в зеркало. В палате, освещенной ночником, было темно, но лицо в зеркале отражалось отчетливо. Что все-таки произошло с ней тогда? Ёнён хотела спросить у той женщины в зеркале, но вряд ли смогла бы получить ответ и решила сама найти ей ответы. *Не верю, что Сугён умерла.*

Глава 2

Прошло три недели. Мать Минсо пришла вновь только в день выписки. Восстановить мышцы, ослабевшие за время комы, было непросто, но прогресс шел гораздо быстрее, чем ожидалось. Пока шла реабилитация, Ёнён с нетерпением ждала визита Санми, даже не предполагая, что время будет так долго тянуться.

Было весьма странно, что ее опекун, Санми, ни разу не появилась в больнице. Ведь именно она была рядом с Ёнён в момент, когда та неожиданно пришла в себя. Мало кто верил, что пациентка с диагнозом «смерть головного мозга», пусть и без других осложнений, придет в себя после одиннадцати лет комы. Вдобавок Санми взяла на себя оплату лечения и пребывания в стационаре. Значит, была весомая причина не сдаваться все эти годы. Но и это не все. Ёнён удивилась, что восстанавливается так быстро, учитывая, сколько времени пролежала без движения. Смутившись, медсестра ответила как бы нехотя:

– Да, такое бывает.

И пошла разузнать, случались ли подобные случаи, когда человек, пролежавший так долго без сознания, настолько быстро шел на поправку. Обратившись к медсестре, Санми вернулась с просветленным лицом, будто узнала какую-то тайну:

– У вас была своя сиделка, специально нанятая опекуном. Она и дня не пропустила, проводя вам сеансы массажа.

Выходит, Санми не могла приходить часто, поэтому оплачивала услуги массажа, заботясь о Ёнён все это время.

Любому покажется странным, что почти чужой человек берет на себя такой труд, но, если подумать, в жизни бывают исключения. Наверное, она все это делала в память о близкой подруге своей дочери. Если на минуту представить, что Сугён погибла, а ее старшая сестра, попав в тяжелую ситуацию, совершенно одна лежит в больнице, не имея никого из родственников, семья Минсо не могла остаться в стороне.

Санми пришла на выписку, но выглядела еще более изможденной, чем три недели назад.

– Мне сказали, ты пошла на поправку. Выглядишь лучше. Это замечательно, – говорила Санми с теплой улыбкой на лице. – Скоро придет врач, проверит тебя и приступит к процедуре выписки.

Взглянув еще раз на Санми, Ёнён особо остро ощутила, как же много времени прошло, пока она лежала в теле двадцатитрехлетней девушки.

Мама Минсо собиралась присесть на стул у кровати, но сначала вытащила из пакета одежду на выписку:

– Минсо носила это, пока была в Корее. Фигуры у вас вроде похожие, должно подойти... Правда, ты сейчас сильно исхудала. Побыстрее выздоравливай и возвращайся в форму.

За прошедшие три недели Ёнён часто подходила к регистратуре и просила дежурную медсестру набрать номер Санми – та ни разу не ответила. Только один раз через врача ей передали сообщение, что Санми в командировке и говорить не может. Ёнён не находила себе места, ведь спросить о том событии она могла только у Санми. С каждым днем тревога росла: почему мать Минсо не отвечает?

– Помочь одеться?

Честно говоря, Ёнён не понимала, как себя вести. Она так ее ждала, что при встрече не могла собраться с мыслями. Ёнён решила начать с самого простого. Например, с того, что только что услышала.

– Вы говорите, Минсо была в Корее. Сейчас она не здесь?

– Уехала в США. Уже давно.

– А зачем?

– Поступать в аспирантуру. Теперь я здесь одна.

Вот оно как. Одним вопросом стало меньше. Казалось весьма странным, что Санми ухаживает за ней, а ее дочь, Минсо, никогда не приходит. Но теперь все стало понятно.

Санми протянула пакет и еще раз поинтересовалась, не нужна ли Ёнён помощь.

– Правда, фасон, кажется, уже не в моде, – сказала она, с беспокойством взглянув на одежду. Хотя вещи выглядели вполне современно, для Ёнён это было совершенно неважно.

– Я смогу одеться сама. Знаете... я вас очень ждала.

Санми, будто не понимая, в чем дело, удивленно взглянула.

– Я вам несколько раз звонила из больницы, мне сказали, вы обещали навестить меня, но после этого вообще перестали брать трубку. Похоже, у вас много дел? – спросила Ёнён, стараясь сохранять спокойствие в голосе, но ей было тяжело принять и понять такое поведение Санми.

Ёнён как будто застыла во времени и пространстве, а Санми постарела на десятилетие. Женщина протянула одежду, а сама села на край кровати ближе к Ёнён. В палате стало так тихо, что было слышно, как Санми усаживается на накрахмаленную простыню.

– Не расстраивайся. Дел было много. Мне звонили из больницы, но я не могла ответить. И сама не перезванивала – думала, скоро навещу тебя. Но не получилось. Столько всего навалилось, совсем замоталась и забыла о времени. Вот так три недели и пролетели как один день.

Санми нахмурила лоб, а Ёнён скромно ответила:

– Вам не за что извиняться. Я перед вами в неоплатном долгу за все, что вы сделали. Спасибо, что верили в меня и ждали возвращения из комы.

Ёнён показалось, будто ее собственный голос и интонация изменились за долгое время. *О чем же думает Санми? Несмотря на мою открытость и слова искренней благодарности, ни один мускул на ее лице не дрогнул, она продолжает пристально смотреть на меня. Как будто что-то выскивает.*

– Что с вами?

Было видно, как Санми колебалась с ответом, но произнесла:

– Даже не знаю... Повезло тебе.

В ответ Ёнён промолчала.

– С тобой точно все в порядке? Просто выглядишь гораздо лучше, чем можно было ожидать. До сих пор не верится.

Ёнён понимала, что Санми хочет этим сказать, но промолчала в ответ.

– Да, вы, наверное, были удивлены. Особенно когда я стала закидывать вас вопросами, – через какое-то время сказала Ёнён.

Наступила тишина. Ёнён решила пока не заводить разговор о Сугён. Ведь она не верила тому, что ей рассказали.

– А куда мне податься после выписки?

– Сперва поживешь у меня. Тебе наверняка сейчас некуда идти.

– Похоже, что так.

Ёнён уже думала об этом. Несколько дней назад пыталась спросить у дежурной медсестры, как ей дальше быть. Та ей ответила, что первое время она сможет получать базовое пособие на жизнь. При этом предупредила, что его еще надо будет оформить и это займет какое-то время. Все это намекало на то, что придется содержать себя самой.

Ёнён постаралась прикинуть в уме, хотя бы примерно, сколько она успела накопить до больницы. Как ни странно, память об этом сохранила четкие данные, словно речь шла о вчерашнем дне и не было провала в одиннадцать лет. Но разве могла накопиться у нее хоть какая-то значительная сумма, учитывая, что ее рабочий стаж составлял всего три года?

Вскоре пришел врач и приступил к обычным процедурам перед выпиской: посветил в глаза фонариком, сказал открыть рот, послушал сердце и внес соответствующие пометки в

больничный лист. Каждый день она видела его в своей палате, но сегодня это будет последний раз. Закончив что-то писать, он убрал ручку и внимательно посмотрел на Ёнён:

- Как у вас с памятью?
- Все то же самое.
- Насколько то же самое?
- Ровно так же, как я рассказывала вам в прошлый раз.
- Может, еще раз попробуете рассказать?

Воспоминания Ёнён остановились на дате 17 января 2009 года. Плюс в памяти остались сцены 10 февраля 2009 года, со дня выпускного, когда она упала.

- Вы же сказали, что с крыши я упала 10 февраля, верно?
- Врач встревоженно посмотрел на нее и утвердительно кивнул:
- Значит, с того момента вы больше ничего не помните?

- Да.
- И вам по-прежнему двадцать три года?
- Да.

Казалось, врач расстроился, как маленький ребенок, которому приходится мириться с неприятным фактом. Он колебался, будто хотел спросить что-то еще:

– Понятно... А воспоминания, о которых вы рассказали на прошлой неделе, не изменились?

Ёнён кивнула в ответ.

По мере того как она восстанавливалась после комы, в голове внезапно всплывали обрывки воспоминаний. Само падение с крыши она отчетливо помнила, но причина произошедшего была покрыта пеленой густого тумана. Однако неделю назад это воспоминание стало понемногу проясняться.

– Ясно. Но вы по-прежнему не помните лица того человека?

– Да. Скорее всего, тот, кто толкнул меня одиннадцать лет назад, продолжает жить как ни в чем не бывало.

Ёнён еще не представилось шанса рассказать об этом Санми. Но, услышав это, мама Минсо совершенно никак не отреагировала.

На крыше их было двое. Она сама и человек, лица которого она не помнит. Человек, толкнувший Ёнён, не спас ее, когда она висела, еле держась за парапет. С самого начала спасение не входило в его планы. Ведь он толкнул ее, чтобы убить.

Один из вопросов, которые она хотела задать Санми, кто же на самом деле виноват и нашли ли его.

– А того, кто напал на меня, так и не нашли?

Санми слушала их разговор, облокотившись о стену, но, услышав вопрос, выпрямилась:

– Нет, до сих пор не нашли.

– И даже подозреваемых не было?

– Нет. Шум вокруг всех этих событий подпортил репутацию школы, поэтому они постарались быстро все замять.

Ёнён кивнула, ей хватило такого ответа.

– Кто-то похожий на меня, – добавила она.

От этих слов Санми почему-то вздрогнула.

Перед выдачей эпикриза врач отметил, что точно неизвестно, когда память вернется, а может, даже навсегда останется в таком состоянии. Он не может гарантировать, что воспоминания вернуться, более того, если прикладывать определенные усилия, то это даже может вызвать обратный эффект. Все будет зависеть лишь от воли судьбы. Выходя из палаты вместе с Санми, Ёнён спросила врача, не считает ли он ее выздоровление чудом. Тот ответил, что любой посчитал бы это чудом.

* * *

В инвалидную коляску Ёнён смогла сесть сама, но сложить ее, уложить в багажник и забраться в салон машины пришлось уже с помощью Санми. Она пристально смотрела на мир, проплывавший за окном автомобиля. Он был чужой, словно она попала в другую вселенную. Эту дорогу Ёнён не помнила и даже не догадывалась, что там были такие дома. Либо так сильно была занята своей жизнью, что не замечала этой дороги, либо сама дорога за это время сильно изменилась. Пока она была в забвении, весь мир продолжал свое существование. Единственное, что остановилось, – это ее жизнь.

Ёнён слегка облизала пересохшие губы. Вдруг ей захотелось выяснить все.

– Почему вы меня обманули?

– Что? – Санми повернула голову в ее сторону.

– Вы солгали, что Сугён умерла. И зачем-то очернили ее, сказав, что это было самоубийство. – Ёнён разозлила невинная реакция Санми.

– Я солгала? О чем это ты?

– Скажите, где находится Сугён. Почему вы ее прячете от меня?

В больнице Ёнён не находила себе места в ожидании звонка от Санми, изнывая от неведения, пытаясь понять, где же находится Сугён. Ей необходимо узнать правду. Но поведение Санми казалось ей откровенно неуважительным. Она разыгрывала перед ней роль, будто собиралась получить за нее «Оскар».

– Я даже представить не могу, зачем потребовалось такое говорить. Соврать, что моя сестра мертва, зачем меня так обманывать?

Очнувшись после комы, Ёнён не тратила время зря. И хотя большую часть этого времени из-за успокоительных она проводила во сне, каждый раз, будучи в сознании, она усердно обдумывала все детали. В результате Ёнён пришла к выводу: ни при каких обстоятельствах ее сестра не могла умереть. Должно быть какое-то объяснение всему. Но как бы она ни ломала голову в течение трех недель, никак не могла найти подходящий ответ. Скорее всего, пока она была без сознания, что-то произошло. Может, сестра была в отчаянии, увидев ее состояние, и сбежала от груза ответственности? А может, дорогое лечение и уход за ней оплатила не Санми, а Сугён? Опасаясь, что остаток дней ей придется ухаживать за прикованным к постели инвалидом, сестра просто пожелала решить проблему деньгами. А сама уехала как можно дальше от нее.

Если так рассуждать, тогда становится понятным и поведение Санми, которая ни разу не показала в больнице за эти три недели. Конечно, больно думать, что сестра, которой она заменила родителей, могла так с ней поступить. Кроме того, за одиннадцать долгих лет Сугён могла измениться до неузнаваемости. Люди меняются. К тому же Сугён тогда была еще достаточно молодой, неокрепшей личностью без особых взглядов на жизнь. Она определенно могла измениться.

– Просто тебе не хочется верить в это, – спокойно ответила Санми.

Ёнён замерла – этот ответ заставил ее задуматься. Значит, я не хочу верить и сама любыми способами пытаюсь придумать оправдания? Только не это!

Санми вздохнула и сказала:

– Тебе есть куда пойти.

Ёнён не стала уточнять, куда именно. Она не хотела расстраиваться еще больше.

* * *

Машина покинула территорию Сеульской больницы, проехала мимо дворца Чхандоккун и оказалась на широкополосном шоссе. Тогда желанием Ёнён было никогда не доехать до места назначения. Машина свернула на неасфальтированную дорогу, усаженную вдоль деревьями, которая вела вверх, на гору.

Собеседник может не говорить, не слушать, но понимать – вот что самое главное, а этого в их разговорах с Санми не было. Ёнён по-прежнему ничего не спрашивала. Раз уж Санми так нагло врет, что толку задавать вопросы. Все, что она говорила, была пустая ложь. Оставалось молчать.

– Выходи.

Ёнён вышла из машины следом за Санми, которая без лишних разъяснений куда-то направилась. Пройдя по извилистой узкой тропинке, они оказались на небольшом пустыре. Видимо, это была парковка. Машин было совсем мало. Впереди виднелся небольшой храм. Сбоку от него возвышалось современное сооружение. Санми направилась именно туда. Когда Ёнён поняла, что это за место, она замедлила шаг. Зайдя внутрь, они оказались в огромном холле с несколькими регистрационными стойками; внутри, кроме них, никого не было. Санми, не останавливаясь, прошла мимо стоек и направилась к лестнице. Они попали в помещение, тесно уставленное прямоугольными стеллажами. Лицо Ёнён побледнело. Санми подозвала ее рукой к одной из ячеек, на которой было написано имя «Ким Сугён» с фотографией. На нее смотрело хорошо знакомое улыбающееся лицо.

Внутри ячейки стоял сосуд с прахом ее сестры. Жизнь Сугён остановилась на девятнадцати годах и теперь заключалась внутри рамки с фотографией. Одна из трёх фотографий была сделана именно Ёнён в день выпускного экзамена в школе. Сугён была одета в школьную форму. Немного натянутая улыбка глубоко врезалась в память. В ее памяти осталась именно эта последняя фотография сестры, которую она сделала.

– Ты выбрала ее сама и поставила в рамку. Но, конечно, этого в твоей памяти не осталось. – Голос Санми звучал ясно и спокойно.

Ёнён, не отводя взгляда, смотрела на сосуд с прахом. Откуда-то раздался странный звук, напомнивший шипение змеи. Но это было ее собственное шумное дыхание. Оно стало таким учащенным – казалось, она сейчас взорвется или задохнется.

– Какими бы серьезными ни были травмы, как можно забыть о смерти сестры... Не понимаю я этого, – проворчала Санми, но Ёнён пропустила ее слова мимо ушей. Она протянула руку, поднесла поближе фотографию и прижала рамку к груди.

Этого не может быть. Невозможно. Этого не может быть!

Вдруг ноги подкосились, будто из них выкачали весь воздух, и Ёнён рухнула на пол. Казалось, вся кровь вышла из нее. Тело согнулось вдвое, не справляясь с эмоциональным ударом. Ёнён что было сил позвала Сугён, крепко прижимая фотографию к груди, чуть ли не раздавив стекло рамки. В этот момент Ёнён осознала: без помощи Санми она ничего не может.

* * *

На обратном пути в машине они молчали, не пытаясь завести разговор. Дом Санми находился там же. Ёнён часто навещала ее, чтобы забрать сестру домой. Санми никуда не переехала, даже мебель и посуда остались те же. Ёнён было приятно ощутить себя в знакомых стенах, будто и года не прошло, как она снова здесь, несмотря на одиннадцать лет, которые скрывались за всем.

Ёнён оставила инвалидную коляску у порога и встала, но у неё закружилась голова. Она едва успела опереться о стену и посмотрела на Санми:

– Вы сказали, что Сугён совершила самоубийство.

Санми уже сняла обувь и замерла, затем обернулась и недовольно взглянула на Ёнён, которая продолжала говорить:

– У Сугён не было причин для самоубийства.

– Откуда тебе знать?

– Это невозможно! Выпускной на носу, а она совершает самоубийство?

– Значит, что-то ее очень тяготило.

– Не было такого.

– Ёнён, послушай...

– Не может такого быть! Это совершенно не укладывается у меня в голове.

– Надо смириться с действительностью...

– У Сугён не было причин для самоубийства, точно не было!

Наступила тишина. Но тут раздался холодный голос:

– Откуда тебе это знать? Ты настолько хорошо знала свою сестру? Знала все ее тайны?

Ёнён сначала немного смутилась от такого напора Санми, но тогда главным было не это. При мысли, что Сугён умерла, все ее тело начинало дрожать. От непрерывных рыданий глаза и все лицо сильно опухли. Вдруг показалось, что если закрыть глаза, то и все проблемы исчезнут, и станет легче.

– Я даже о своей родной дочери, которую выносила и родила, знаю не все, а ты просто старшая сестра, как *ты* можешь знать?

Ёнён даже показалось, что Санми усмехнулась, произнося это. Конечно, ее слова имели убедительные основания. Было бы серьезной ошибкой полагать, что если кто-то выглядит счастливым, то он на самом деле счастлив. *Но если Сугён было настолько тяжело, что она решилась на самоубийство, разве не было бы каких-то намеков и предпосылок? Не может быть, чтобы я не заметила этого. Или я догадывалась, но сейчас просто не помню?*

Санми хотела показать ей квартиру, но Ёнён стояла не шевелясь. Дрожа всем телом, она спросила:

– Как мне теперь жить дальше?

– Просто живи, и все. Что особенного? Раз выжила, надо жить.

– Но я не могу так. Мне надо понять, что привело Сугён к смерти, что стало причиной.

Но в голосе Ёнён не было ни уверенности, ни сил. А в голове крутилось: *Что я могу сделать, так и оставшись в своем двадцатитрехлетнем возрасте?*

– Попробуй, выясни. Буду рада, если смогу помочь.

– Сугён не оставила никакой предсмертной записки?

– Не знаю. Ты сама тогда всем этим занималась. На самом деле я не так много знаю о случившемся. Особенно о самоубийстве... Хотя Минсо – моя дочь.

– Может, она что-то знает? Больше, чем вы?

– Минсо тоже не много знает об этом. Да и нет ее здесь, связаться с ней непросто. Тебе придется самой в этом разбираться.

Вдруг Санми, как будто вспомнив что-то, достала телефон из сумочки.

– У меня сохранился телефон одной знакомой Минсо, не знаю, поможет ли это тебе.

– Знакомой?

Санми погрузилась в телефон в поисках номера. Сугён дружила с Минсо. Но, может, и кто-то из подруг Минсо знал что-то о Сугён. В таком возрасте любые тревоги и проблемы гораздо чаще рассказывают друзьям, чем семье. В этих словах есть доля правды.

– Я запишу тебе номер. Буду очень рада, если это хоть как-то поможет.

– Я должна попробовать все способы. Что-нибудь да поможет.

Накатила головная боль. Вся голова, начиная с висков, раскалывалась, из-за чего предметы стали двоиться. Казалось, что за Санми кто-то прячется. Записывавшая номер телефона в блокнот Санми подняла взгляд:

– Наверное, Сугён выбрала крышу собственной школы в качестве места самоубийства неслучайно.

Это было похоже на какой-то намек. По коже Ёнён пробежали мурашки. Санми протянула ей листочек с номером, Ёнён приняла его с отрешенным видом. Рядом с номером было записано имя – Чи Ёнчжи.

* * *

Лучи солнца беззвучно заполняли комнату теплым светом. Ёнён неподвижно лежала на кровати, рассматривая их. Да, лучи не издают звука, но эта тишина была слишком странной. Рано утром Санми ушла на работу, ее не было дома. На краю обеденного стола висел желтый стикер-записка: «Код входной двери – 9210. Если забудешь, как складывать инвалидное кресло, звони в любое время». Ниже был записан номер телефона Санми. Рядом со стикером лежали две купюры в пятьдесят тысяч вон. Новая купюра, о которой она ничего не слышала и, конечно, ни разу не видела. Неудивительно. Мир сильно изменился, надо к этому привыкать. Ёнён аккуратно взяла деньги и начала их рассматривать. Она поняла, в каком отчаянии находится, раз позволила себе сомневаться в Санми, в единственном человеке, на кого она могла положиться.

Слегка прихрамывая, она пошла умыться холодной водой, чтобы взбодриться. Внешний вид был незавидный: припухшие от ночных рыданий глаза. Она нехотя подняла голову от раковины и, конечно, встретилась взглядом с женщиной в зеркале. Она по-прежнему преследовала Ёнён. Хоть и похожая, но по-прежнему чужая, она в упор смотрела на нее. Ощущать на себе этот взгляд было довольно неприятно. Ёнён вышла из туалета, встала у окна, через которое проникали утренние солнечные лучи, и взглянула на небо.

Она уже ни во что не верила. Она по-прежнему ощущала себя на двадцать три года, но жестокая реальность вокруг говорила, что ей на одиннадцать лет больше, а сестра, с которой они будто вчера за одним столом ужинали, умерла. Теперь у нее не осталось никого из близких. *Не могу поверить, что Сугён погибла. Нет, этого не может быть.* Она села в коляску и с силой толкнула колесо, проехала в комнату и вывернула карманы куртки, которую надевала вчера. Ёнён вытащила фотографию, которую забрала из колумбария. Сугён в школьной форме, смотрит ей прямо в глаза, широко улыбаясь.

«Сугён ведь умерла. Одиннадцать лет назад». Слова Санми снова промелькнули в голове. Ёнён резко встряхнула головой. Этого не может быть. Никак не может. Ёнён начала звать сестру. Со всей силы крутя колеса коляски, она двинулась в прихожую, вытянула руку и открыла дверь, села в лифт, спустилась на первый этаж и продолжила свой путь.

Слабые руки быстро устали, и теперь, когда Ёнён пыталась прокрутить колесо, они бесильно соскальзывали. Она не понимала, в каком направлении ей двигаться. Хоть куда, главное – не останавливаться и искать Сугён. Ёнён внезапно остановилась в переулке, ведущем к главной дороге. Слезы застилали глаза, она не понимала, куда ей двигаться дальше. В этот момент она уже совсем выбилась из сил.

– Сугён, ну, где же ты. Пожалуйста...

Ёнён стала вспоминать все, что не успела сделать для сестры. Она подняла голову. Перед ней простиралась пустошь непреодолимой реальности: в таком состоянии она не сможет сдвинуться с места. Ёнён отчаялась. Ей вновь пришлось вернуться в тихую и пустую квартиру. Взгляд бесцельно блуждал по углам. На столе под большой прозрачной крышкой был красиво

накрыт завтрак для нее. И тут Ёнён вспомнила, что даже как следует не поблагодарила Санми за всю ее заботу.

Вчера перед сном она кое-что выяснила. К сожалению, Санми не знала, что стало с домом, в котором Ёнён жила одиннадцать лет назад, а значит, куда делись ее вещи оттуда, тоже узнать невозможно. Поэтому одежда на ней – это все, что у нее есть. При этой мысли она не смогла сдержать чувства жалости к себе.

Да, кое-что еще. Сумка, с которой она была в момент происшествия, хранилась в больнице, но пребывание Ёнён там затянулось, поэтому Санми забрала сумку домой. Сейчас она где-то в чулане. Санми обещала найти ее под завалом других вещей, как только будет время. С этой сумкой Ёнён была, когда она упала с крыши. Может, вещи, которые в ней лежат, дадут какую-нибудь подсказку. Ей хотелось как можно скорее получить назад свою вещь, но она больше не могла что-то требовать от Санми. Вместо этого Ёнён решила максимально сосредоточиться на том, что может сделать она. А пока приходилось ждать.

Пустые переживания уступили место твердой решимости. В больнице она уже достаточно провела времени в раздумьях. Ёнён взглянула на номер Чи Ынчжи. У нее пока не было собственного мобильного телефона, поэтому пришлось воспользоваться старым проводным, стоявшим рядом с телевизором. Ёнён все еще сомневалась, но недолго. С ней заговорила взрослая тридцатичетырехлетняя женщина: «Сугён мертва. У тебя больше нет семьи. Возьми себя в руки, Ким Ёнён».

Глава 3

Сон ворочалась в кровати. Она почувствовала необъяснимое колебание воздуха, ощутила явный дискомфорт и отторжение. Такое движение в воздухе отнюдь не что-то уникальное, все люди хоть раз в жизни чувствуют подобное. Такие колебания возникают даже между людьми. Некая атмосфера, меняющаяся под воздействием ауры человека.

Но сейчас Сон была одна. Почему же она почувствовала это движение? Может, потому, что муж спешил домой с работы? Но он никогда не представлял угрозу для нее. Какое-то предчувствие тревоги в воздухе...

Сон раскинула руки и ощутила приятную текстуру дорогого кожаного дивана. Любопытно было бы, что ее жизнь удалась, все как надо. Она встретила обеспеченного любящего мужчину, с которым она состояла в чудесном браке. Они уже были два года вместе и планировали завести ребенка. Если никакие непредвиденные обстоятельства не вмешаются в их судьбу, то их ждет классический путь семейного счастья.

Но Сон была несчастна. Почему же?

Послышались звуки кодового замка снаружи. Но никто не зашел. Вместо этого раздался звонок в дверь. Стараясь встать с дивана, она непроизвольно вздохнула. Посмотрев на монитор домофона, Сон разозлилась. Что это за выходки?

Но как только она приоткрыла входную дверь, показался огромный букет цветов, а за ним с лучезарной улыбкой стоял ее муж. Даже увидев его, Сон не перестала злиться:

– Ты меня напугал. Почему сам дверь не открыл?

– Я собирался. Тебе лень выйти?

На лице мужа появилось легкое разочарование. Было видно, как ему неудобно: то ли продолжать улыбаться, то ли перестать, ведь атмосфера уже поменялась.

– Совсем сбила меня с толку. – Он всучил букет цветов Сон в руки.

Сон слишком раздраженно отреагировала сначала, и теперь она стояла в нерешительности. В тот момент, когда рука мужа поднялась, она сжалась всем телом, будто испугавшись удара. Он притянул Сон к себе и крепко обнял, слегка покачивая влево-вправо.

– Ты почему такая чувствительная стала? Что-то случилось?

– Ничего.

Ничего не случилось. Просто непонятные колебания воздуха вокруг.

– Выходила куда-то? Ты же говорила, что сегодня на кулинарные курсы не пойдешь, а будешь отдыхать дома.

Подобные вопросы с некоторых пор стали вызывать у Сон подозрения. То ли это забота, то ли контроль. Почему стали возникать такие сомнения – тоже было непонятно.

– Весь день пробыла дома.

– Значит, ничего не случилось. В чем проблема?

– В воздухе странные колебания.

На секунду муж нахмурился. *Может, я сказала что-то не то*, пронеслось у нее в голове, но она уже не могла остановиться.

– Что произошло?

– Я была одна дома, и вдруг атмосфера стала странной.

– Может, кто-то постучал в дверь? Может, фильм страшный смотрела?

– Говорю тебе, я была одна. Ничего не делала, даже телевизор не включала. Но почему-то поток воздуха поменялся. Мне стало не по себе. Забудь. Не обращай внимания.

Однако было видно, что муж стал нервничать.

* * *

Они поужинали, сидя друг напротив друга. Сон посмотрела телевизор и пошла спать. Мягкое одеяло обволакивало ее. Во сне муж повернулся к ней и приобнял. Поверх воздушного одеяла почувствовался вес надежной руки. Сон смотрела в пустоту. Несмотря на объятия мужа, настроение осталось прежним. Странные колебания воздуха, которые она почувствовала, находясь одна, должны были исчезнуть. Ведь теперь она с мужем. Однако эти вибрации никуда не делись. Сон понимала: некому вызывать эти изменения. Так все-таки что это было? Или, точнее, кто?

* * *

Рано утром муж ушел на работу, а она принялась за домашние дела. До свадьбы Сон смогла построить весьма неплохую карьеру в крупной компании. Она отвечала за важные проекты и была весьма успешным старшим менеджером, заслужив уважение у начальства, что позволило ей даже возглавить некоторые крупные проекты. Но, встретив своего будущего мужа, она начала меняться. Ее как будто подхватила новая мощная волна под названием «любовь», более сильная, чем прежняя – «достижение целей». Очень быстро Сон охладела к работе. После свадьбы она распрощалась с компанией.

Хотя иногда Сон и думала продолжить работу, чаще всего она не была уверена в своем желании. У нее не укладывалось в голове, почему она была так предана компании, работала на износ днями и ночами. Нельзя сказать, что работа доставляла ей удовольствие. Ей просто нужна была какая-то опора в жизни.

На телефон пришло сообщение от мужа: «Желаю хорошо сходить на кулинарные курсы. На следующей неделе лучше без букета? Похоже, вчера тебе не особо понравилось».

Ее муж, всем на зависть, был очень романтичный. После свадьбы вот уже в течение двух лет он каждую неделю дарил ей цветы, ни разу не нарушив традицию. Ему запомнилась однажды услышанная фраза: «После свадьбы домашний быт и заботы о ребенке меняют женщин и заставляют их сомневаться в чувствах и верности супруга».

«Нет, мне нравятся цветы. Но лучше, если ты не будешь звонить в дверь, а сразу зайдешь в квартиру. Я немного испугалась от неожиданности».

«Ну хорошо. Извини. Хорошего дня. Люблю тебя».

Получив полное нежности сообщение от мужа, сердце Сон гулко забило в груди. Но не от приятного томления и радости. А от тревоги.

В третьем часу Сон отправилась на кулинарные курсы. Это решение было принято уже давно: «Если у меня будет ребенок, то я обязательно буду кормить его полезной домашней едой». Самый тяжелый грудничковый период пролетит как стрела, а за ним сразу наступает тот возраст, когда мама должна кормить ребенка здоровой пищей. Откладывать обучение на потом никак нельзя. К тому моменту будет уже поздно. Поэтому Сон решила, что самое подходящее для этого время – период, когда ребенка еще нет.

– О, госпожа Сон, почему вы не пришли на занятие вчера? Все о вас вспоминали, – поприветствовала ее женщина, взявшая на себя роль руководителя в их группе. У нее на груди был прикреплен бейдж, как это требовали правила программы. Сон встречалась с ней уже не в первый раз на занятиях, но до сих пор не могла запомнить ее имя. Мельком взглянув на бейдж, она вспомнила довольно нелепое имя «Чо Синхи». Женщина была очень волевой и энергичной. Сон с улыбкой на лице ответила:

– Я неважно себя чувствовала.

– Я хотела попросить еще в прошлый раз... Тогда сейчас. Напишите свой номер телефона. И присоединяйтесь к нашему групповому чату.

– Уже есть общий чат?

– Конечно! Вы же только недавно присоединились к группе, а мы уже давно в нем общаемся.

Сон не успела ничего ответить, как Чо Синхи радостно протянула руку за ее телефоном, как будто уже получила согласие. Сон без малейшего желая, но при этом не показывая виду, отдала свой телефон. Чо Синхи записала в контактах свой номер и позвонила себе:

– Я вышлю вам приглашение в чат. Будем теперь чаще общаться.

– Хорошо, – пришлось согласиться Сон.

На самом деле ничего хорошего. Она пришла сюда только с одной целью – научиться готовить. Сон была совсем не рада такому навязыванию дружбы. Раньше она не испытывала к Синхи особо никаких чувств. Но теперь ей сразу разонравилась эта мило улыбающаяся женщина, строящая из себя главную.

Программа курсов предполагала, что каждый готовит самостоятельно, повторяя за шеф-поваром. Как-то естественно вышло, что по ходу занятий между участниками возникали разговоры на разные темы. В этой группе всего восемь человек от двадцати пяти до сорока с лишним лет. Среди них есть даже один мужчина, что еще раз доказывает, как сильно меняется мир.

Сон обычно не отвлекалась на чужие разговоры, но все слышала. Она старалась не участвовать в пустой болтовне, только молча и сосредоточенно готовила. Один раз, погрузившись в свои мысли, она не заметила, о чем именно шла беседа. Вдруг все громко рассмеялись. Но так как она упустила суть разговора, присоединиться к всеобщему смеху не решилась. Сон взглянула на всех. Среди них двое, посмеиваясь, искоса смотрели в ее сторону. Она не могла понять, то ли они предлагают вместе посмеяться, то ли они смеются над ней, а если так, то это полное неуважение. Неужели она сделала что-то не так? До самого конца урока ей не давала покоя эта мысль.

Глава 4

Ёнён ждала Чи Ынчжи в условленном месте. Ей самой не верилось в это. Она была до последнего уверена, что встреча не состоится, но девушка довольно легко согласилась увидеться. Скоро она встретит человека, который поможет хоть немного продвинуться и узнать правду о смерти сестры. Она осторожно вытащила фотографию Сугён, погладила ее и положила обратно. Сидя в инвалидной коляске, Ёнён смотрела перед собой оцепеневшим взглядом. Хотя она могла встать и сделать несколько шагов, но, чтобы отодвинуть тяжелый стул, ей понадобилась бы помощь официанта.

Открылась дверь, и зашла девушка. Сердце учащенно забилося в надежде, что это и есть Чи Ынчжи. Девушка вертела головой по сторонам, не замечая сидевшую в углу зала Ёнён. Ей пришлось несколько раз выкрикнуть имя. Наконец девушка заметила ее и подошла. Потеряв дар речи, Ёнён смотрела на Ынчжи, повзрослевшую на одиннадцать лет.

Она была в аккуратном деловом костюме и с гладким каре чуть ниже плеч. Женщина выглядела весьма элегантно, как будто сошла со страниц глянцевого журнала. Немного сомневаясь, как лучше обратиться к ней, Ёнён начала:

– Извините, это вы Чи Ынчжи, верно?

– Да, я! А вы Ёнён, сестра Сугён... Я правильно понимаю?

Услышав такой ответ, Ёнён почувствовала себя неловко и кивнула головой. Ынчжи производила впечатление резкой и самоуверенной женщины. Выдвинув стул, она села. У нее были выразительные брови и красивый острый подбородок. Теперь ее движения стали сдержанными и спокойными, это контрастировало с тем впечатлением, которое она произвела вначале. Женщина вытащила из сумки кошелек и спросила:

– Что будете пить?

– Я оплачу, – Ёнён тоже поспешила вытащить кошелек.

– Нет, я угощаю, – Ынчжи говорила так настойчиво, что Ёнён не смогла сопротивляться.

И на самом деле, сидя в инвалидном кресле, ей было тяжело препираться и настаивать на своем. Вскоре Ынчжи вернулась к столику с двумя напитками. Перед Ынчжи стоял кофе, а перед Ёнён – чай. Ынчжи сразу решила приступить к сути разговора с вопроса:

– Вы действительно пробыли в коме одиннадцать лет?

– Да. Видимо, вы очень удивились, когда услышали это по телефону. Как вы, наверное, уже знаете, после того происшествия я впала в кому и была практически все время в вегетативном состоянии.

Взяв кружку в руки, собеседница с изумлением моргала ресницами:

– То происшествие...

– Я про происшествие на крыше вашей школы на выпускном.

– А-а-а, – Ынчжи еще чаще заморгала.

Но куда она уставилась – было непонятно. Ынчжи еле слышно заговорила:

– Да, о том происшествии я тоже наслышана.

Сам по себе голос у нее был весьма тихий, к тому же в кафе громко играла музыка. Ёнён злилась про себя: «Зачем так громко включать музыку, посетителей-то особо нет. Еще чуть-чуть, и я бы прослушала ответ».

– Насколько я знаю, виновного до сих пор не нашли.

– Виновного? – переспросила Ынчжи.

– Да, человека, который толкнул меня одиннадцать лет назад и по вине которого я оказалась в таком состоянии. Поэтому я вас и попросила о встрече, чтобы лучше разобраться в произошедшем. Вы, наверное, не знаете, но у меня провал в памяти, и я совершенно не помню весь месяц до того происшествия.

Чи Ынчжи слегка нахмурилась. Кажется, ей тоже было плохо слышно из-за громкой музыки. Ёнён сказала чуть громче:

– По словам врача, моя память остановилась на периоде за месяц до происшествия. То есть примерно на январе 2009 года. Все случилось в день выпускного в феврале. Получается, целый месяц перед тем днем для меня совершенно пуст, как белый лист.

К счастью, на этот раз по выражению лица Ынчжи было понятно, что она все услышала. Она тихо и печально отвела взгляд и продолжила пить кофе, словно сидела напротив человека, стоящего на пороге смерти, и встречаться взглядом с ним было неприлично.

Ёнён наблюдала, как Ынчжи пьет кофе, потупив взгляд, и стала коситься на огромные колонки, установленные в каждом углу кафе. *Я так больше не могу.*

– Вам, наверное, музыка мешает? – Ёнён вздрогнула, услышав вопрос от Ынчжи.

– Да. Думала попросить их убавить звук. Подождите немного.

– Я сама.

Ынчжи встала и быстро подошла к кассе. Ёнён приуныла от мысли, что она даже такое простое действие не может выполнить сама. Вскоре музыка стала тише, и раздражение ушло. Ёнён приятно удивилась, насколько догадлива ее собеседница. Поначалу она думала, что Ынчжи занята лишь своим кофе. Но теперь поняла, что ей, видимо, часто приходится общаться с коллегами. При этом достаточно тесно, чтобы уметь прочесть мысли человека напротив.

– Спасибо, стало гораздо лучше.

– Давайте я немного резюмирую, что вы сейчас сказали. Значит, одиннадцать лет назад в день выпускного кто-то столкнул вас с крыши нашей школы. Из-за этого вы долгое время провели в бессознательном состоянии, как овощ, и только недавно произошло ваше чудесное пробуждение. Но вы не помните ничего за месяц до этого события и самого преступника не знаете, поэтому решили встретиться со мной. Я все верно поняла?

Ёнён все-таки не считала, что была овощем, но поправлять Ынчжи не стала:

– Да, все так. Знаете, я хотела бы предложить... можете говорить со мной на *ты*. – В ее голосе звучала просьба.

С самого начала она чувствовала себя неудобно от слишком официальной манеры обращения. Но такая просьба вызвала немалое замешательство у Ынчжи:

– Разве так можно... мне по возрасту не полагается. Но вы спокойно можете обращаться ко мне на *ты*.

На мгновение Ёнён впала в ступор от внезапного осознания реальности. Взросление ее внутреннего «я» так и остановилось на двадцатитрехлетнем возрасте, поэтому она совсем забыла, что на самом деле старше Ынчжи. Ей все еще были непривычны эти новые правила. Возраст был будто не ее, а лишь внешней оболочкой. Поэтому она часто чувствовала себя не в своей тарелке при общении с окружающими.

– Что конкретно вы бы хотели узнать? – уточнила Ынчжи.

Ёнён решила побыстрее собраться с мыслями и произнесла:

– Все что угодно касательно того периода, например, слухи о том происшествии, а может, есть какие-то подозреваемые – люди, которым я не нравилась, кто мог совершить такое. Я слышала, вы были подругами с Минсо. Поэтому, может, что-то знали обо мне и Сугён от нее.

Ынчжи, покачивая головой, медленно допивала кофе.

– Если вы были в хороших отношениях с Минсо, то наверняка и Сугён знали.

Ынчжи снова кивнула:

– Это так, но с Сугён я особо не общалась. Она была подругой Минсо, это все, что я знаю о ней.

– Но все случилось в школе, которую вы закончили, поэтому не знать об этом вы тоже не могли.

Ынчжи снова поднесла кружку ко рту. Время тянулось невероятно долго, пока она делала несколько глотков. Ёнён считала, что уже пора переходить к цели разговора:

– Не заметили ли вы чего-то странного в день выпускного?

– Странного?

– Может, что-то было не как обычно, или кто-то вел себя странно...

– Все было не как обычно. Это ведь выпускной. А насчет того, чтобы кто-то вел себя странно, я не очень понимаю вас.

– Может, что-то вызывало беспокойство, или вы обратили на что-то особое внимание. А может, после ходили какие-то слухи.

Чи Ынчжи снова взяла кофе, отпила и встряхнула головой:

– Мне совершенно неясно, что вы имеете в виду. Я не могу отвечать, когда не понимаю вопрос. К тому же это было одиннадцать лет назад.

Ёнён замерла, будто ее пронзила молния. От этой прямолинейности закололо в груди: то, что для нее произошло словно месяц назад, для ее собеседницы было делом давно минувших дней.

– У меня не было никаких причин идти на этот выпускной. – Ёнён пристально смотрела на Ынчжи и старалась не моргать, боясь, что из глаз польются слезы.

Немного опешив, Ынчжи тоже уставилась на Ёнён не моргая. Опустив взгляд, Ынчжи снова обхватила пальцами кружку. Женщина сделала глоток кофе. Ее движения были задумчивыми и неспешными. Ёнён казалось, что кружка уже давно должна опустеть, но со своего места ей не было видно. Ынчжи поставила кружку и заговорила:

– Все верно. У вас не было причин появляться там. Поэтому я отчетливо помню, как все удивились, узнав слухи, что родная сестра Сугён приходила в день выпускного, а затем упала с крыши школы. Все как один изумлялись, зачем вы туда явились.

– А вы случайно не знаете причину смерти Сугён?

– Причину не знаю, разве это... не самоубийство?

От этих слов сердце Ёнён словно разорвалось на части. Она так надеялась на другой ответ.

– Дело в том, что я сама не помню, зачем пошла на тот выпускной. Я хочу понять причину и... разыскать преступника, толкнувшего меня тогда. Мне кажется, эти обстоятельства как-то связаны.

Ынчжи была в недоумении:

– Считаете, что оба происшествия как-то связаны?... Какой ужас!

Наступила недолгая пауза, после чего Ынчжи продолжила:

– Я не уверена, что могу помочь. Вы просите рассказать что-то странное, что произошло в тот день. Но, как я уже сказала, это был самый обычный школьный выпускной. Я все время провела с одноклассниками, ни о чем не думая. Помимо этого, надо было многое успеть – поблагодарить всех учителей, пойти на групповую фотосъемку, а в конце каждый проводил время со своими родными. На самом деле самый обычный, ничем не примечательный выпускной. А случившееся на крыше произошло уже после самого праздника. Я помню тот вечер. Мне позвонила подруга, и я очень удивилась услышанному. К тому времени мы с семьей уже сходили на праздничный ужин в ресторан и вернулись домой, я приняла душ и отдыхала на диване. В это время точно все вернулись домой и никого в школе не осталось.

– Этот момент вы очень подробно запомнили, – удивилась Ёнён.

– Слишком невообразимое событие. Слышала, вся школа на ухах стояла после этого.

Такой выпускной никогда не забудешь.

– А вы потом ходили на место событий?

– Нет.

– А кто-нибудь из ваших знакомых был там? Может, какие-то слухи ходили?

– Я даже не знаю, откуда она мне позвонила, то ли из самой школы, то ли, услышав от других, решила передать мне. Точно не помню. Сейчас эта знакомая уехала за границу, и я с ней больше не общаюсь.

– А помните, в какое время она вам позвонила?

– Нет, уже не помню, – нервно усмехнувшись, ответила Ынчжи. Но Ёнён не хотела сдаваться. Нужно хоть что-то узнать.

– А вы не скажете ее имени?

– Я бы не хотела. Мы выросли, я уже давно не поддерживаю с ней никаких отношений. Не хочу доставлять ей никаких хлопот. Тем более она эмигрировала. Я даже не знаю ее нынешних контактов.

– А вы были на том месте, где не я... а моя сестра Сугён упала, то есть двадцать третьего января? – дрожащим голосом спросила Ёнён.

Наступила тишина. Одна и та же крыша стала местом двух происшествий. Сначала – самоубийство Сугён, а потом оттуда сорвалась Ёнён. Только одно отличие: Сугён сама это сделала, а Ёнён кто-то толкнул, чтобы убить.

Лицо Ынчжи исказилось. Наверное, она представила себе минувшие события. Ёнён нервничала. Ее сердце разрывалось на части: одна хотела знать, что за мысль появилась в голове ее собеседницы, а другая сопротивлялась этому. Наконец Ынчжи, кивнув, произнесла:

– Я туда не ходила.

– Учитывая, что это случилось во время урока, вся школа об этом гудела. А вы не пошли?

– Я очень боязливая, поэтому предпочла ограничиться тем, что услышала от ребят. Вы хотите узнать, как выглядело место происшествия? Но я этого уже не помню. Честно говоря, так много времени прошло с тех пор.

Горькая усмешка промелькнула на лице Ынчжи на фразе «честно говоря», как бы подчеркивая ощущение давности тех событий. В отличие от встревоженной Ёнён, Ынчжи говорила спокойно и уверенно:

– Как же быстро летит время. Особенно с возрастом это понимаешь.

Что-то острое кольнуло Ёнён в груди. Она почувствовала жжение в уголках глаз. Скорее всего, Ынчжи одноклассница с Сугён, а значит, ей тридцать один. Ёнён стало жутко интересно, каково это – быть тридцатилетней, насколько мысли и ценности меняются в этом возрасте. Себя она по-прежнему чувствовала двадцатитрехлетней. У нее даже шанса не было прожить этот период жизни. И только когда ей исполнится сорок, она сможет почувствовать себя на тридцать.

– А Минсо ничего не рассказывала про Сугён?

Ынчжи задумчиво сморщила губы и скрестила руки на груди. Ёнён была растеряна, она не узнала практически ничего нового. Надежды не оправдались. Пришлось ощутить на себе, что значат события десятилетней давности для людей, живущих по обычным законам течения времени. Давние события тускнеют, и в конце концов в памяти не остается никаких воспоминаний.

– Не помню. Может, конечно, ее имя и всплывало во время разговора, но сейчас уже не вспомнить... Мне очень жаль. Извините, от меня мало пользы.

Ёнён попыталась поставить себя на ее место и вспомнить что-то из своей жизни одиннадцатилетней давности. Ей двенадцать. Она в пятом классе. В памяти всплыли лишь размытые события, которых наберется не больше, чем пальцев на руке. Ёнён растерялась, о чем же тогда спрашивать. Если ни задающий вопросы, ни отвечающий на них ни о чем толком не помнят, о чем же тогда дальше говорить? В голову с трудом пришел один вопрос:

– Извините, если вопрос покажется бестактным... А как вы подружились с Минсо?

Уставившись на Ёнён, Ынчжи ответила:

– Мы вместе ходили домой из школы.

– Каждый день?

В ответ Ынчжи лишь слегка улыбнулась и снова взялась за кружку. Ёнён продолжила говорить, но Ынчжи, опустив взгляд, лишь поднесла кофе к губам.

– И вы совершенно ничего не знаете о Сугён? Даже что-то самое простое? Какие у нее были отношения с друзьями... ладила ли она с одноклассниками? Не было ли каких-то проблем?

Ынчжи на этот раз долго потягивала кофе, потом опустила кружку и заговорила:

– Мне очень неудобно, но, кажется, на все ваши вопросы я даю лишь один и тот же ответ. Я правда ничего не знаю об этом. Если б выпускной был недавно, скорее всего, я бы что-нибудь вспомнила. Какое-то впечатление о вашей сестре, встречались ли мы в коридорах школы, была ли она одна в те моменты. Но с тех пор... уже очень много времени прошло.

В глазах Ёнён словно потемнело. Но это не была пелена ненависти к сидящему напротив человеку. Наша память так устроена: с течением времени мы забываем многое, даже если это связано с близким другом.

В этот момент Ынчжи, как будто что-то вспомнив, подалась вперед. Ёнён совершенно не ожидала подобного откровения:

– Вообще-то Минсо и Сугён не особо дружили.

– Точно?

– Насколько я помню. Кажется... они поссорились.

Не веря своим ушам, Ёнён наклонилась вперед, переспросив:

– Они поссорились? Это вряд ли! Что могло произойти между ними? Когда?

– Даже не знаю. В какой-то момент, видимо.

В это с трудом верилось. Сугён и Минсо были лучшими подругами с седьмого класса. Всегда и везде были вместе. Даже часто, делая уроки, засиживались допоздна и оставались друг у друга с ночевкой.

– Такого не может быть! – воскликнула Ёнён.

Чи Ынчжи слегка нахмурилась:

– Может не может, а факт остается фактом.

Холодок змеей обвивал ее тело. Ёнён пришлось приложить немало усилий, чтобы ее голос не дрожал.

– Вы что-то слышали об этом от Минсо? Как думаете, в чем причина их разлада?

– Она ничего мне об этом не говорила. Я только помню, что с какого-то момента перестала их видеть вместе. Что-то припоминаю... Сугён стала чаще ходить одна. Примерно в то время мы с Минсо и сдружились.

Ёнён тоже попыталась вспомнить, когда она видела Сугён и Минсо вместе в последний раз. Точно во время летних каникул² в последнем классе, но после этого больше ни разу.

– Значит, в выпускном классе они уже не дружили друг с другом?

– Кажется, да. Я их не видела вдвоем.

Я совсем ничего не знала о своей сестре. Чувство вины захлестнуло Ёнён как цунами.

– С тех пор Минсо гуляла с вами?

– Иногда.

– Вы были в одном классе?

– Нет, в разных. Просто однажды после уроков нас поставили вместе убирать класс.

– Можно я спрошу? Вы дружили?

– Просто общались во время перемен, вместе обедали... как-то так.

– Значит, вы стали общаться только в выпускном классе?

² В Корею летние каникулы посередине учебного года, а зимние каникулы являются последними.

Ынчжи отвела взгляд, словно о чем-то раздумывала, на лбу появились морщинки. Вскоре она вновь заговорила:

– Нет, мы и до этого знали друг друга. Иногда ходили друг к другу в гости.

А что Сугён?.. Значит, они перестали общаться с Минсо еще до выпускного класса? Были ли у нее друзья, кроме Минсо? Наверняка были. Ведь она училась с Минсо в одном классе только один год, потом они учились в разных классах. Но при этом все равно дружили. Жили в разных районах, поэтому в школу не могли ходить вместе, но, возвращаясь, до какого-то места шли вместе.

Но если задуматься, с какого-то времени Сугён сама перестала упоминать Минсо. Ёнён плотно закрыла глаза и стала рыться в памяти. Ощущение, будто она пытается нащупать пол в непроглядной тьме. Как будто что-то было перед ней, но руки никак не могли дотянуться. Она не могла уловить суть, в чем же было дело.

В этот момент Ёнён резко открыла глаза. Нет, дело не в этом. Проблема не в том, что Сугён перестала говорить о Минсо, а в том, что сами сестры стали реже общаться. В дни, когда у Ёнён не было вечерних курсов, они обязательно старались поужинать вместе, но то у Ёнён были дела, то Сугён на занятиях – из-за всего этого они все реже виделись.

Для Ёнён все случилось словно месяц назад, она отчетливо помнила те дни. Но тогда она не осознавала, что между ними что-то произошло. Она считала это естественным. Но теперь, вспоминая о тех днях, Ёнён поняла, как все странно изменилось. Когда они стали меньше общаться друг с другом?

Ну да, точно! Причина была на поверхности. В какой-то момент Сугён закрылась.

Ёнён хотела задать еще один вопрос, но не стала. Какой в этом смысл? Ведь ответ очевиден, она ничего не знает. Все, что касается Сугён, надо спрашивать у других либо самой узнавать. Необходимо изменить тактику. Задавать такие вопросы, на которые Ынчжи сможет ответить, о том, что точно нельзя забыть.

– Вы все еще поддерживаете связь с Минсо?

Если они дружат до сих пор, то наверняка общались в последнее время...

Но реакция Ынчжи оказалась весьма странной и неожиданной. До этого ее руки сжимали кружку, и вдруг она как-то неестественно скрестила их на груди. Не моргая, девушка смотрела на Ёнён. Та пришла в замешательство, но постаралась не выдавать этого. Если дать слабину в психологическом бою, то ничего не добьешься. Ёнён не отводила взгляда, решительно глядя в глаза собеседницы. Ёнён решила пойти в атаку:

– Что-то не так?

Но Ынчжи молчала. Тогда Ёнён снова спросила:

– У вас... между вами случайно не было разногласий?

Если это окажется правдой, то маловероятно, чтобы Санми знала об этом.

Ынчжи кофе больше не пила, но взяла чашку в руки. Скорее всего, там было пусто. Такого ответа Ёнён никак не ждала:

– Что вы от меня хотите?

– Простите?

– Я спрашиваю, что вы хотите узнать о Минсо? Вы проводите допрос с пристрастием?

Ёнён почувствовала себя неловко:

– Я пришла попросить вас о помощи. А почему вы так нервничаете?

– Я уже давно не общаюсь с Минсо. – Сказав это, Ынчжи хладнокровно посмотрела Ёнён прямо в глаза.

– Вы отделились друг от друга после того, как она уехала в США?

– Нет, еще до Америки, – кусая губу, ответила Ынчжи.

Значит, после школы они общались еще несколько лет. Ёнён надеялась узнать больше:

– А можно спросить, что случилось?

Ответа не последовало. Ынчжи снова начала пить кофе. На этот раз тоже очень медленно. Она пила совсем по чуть-чуть, словно птичка по капле, это тянулось невообразимо долго. Наблюдая за Ынчжи, Ёнён почувствовала неладное, но что именно было не так, она не поняла. Поставив наконец кружку на стол, Ынчжи решительно заговорила:

– Извините. Это все, чем я могу помочь. Я больше ничего не могу вам рассказать. В любом случае, я ничего и не знаю.

– Просто что случилось между вами и Минсо...

– Ничего такого. Мы постепенно отдалились друг от друга, как это бывает после школы. Мне неудобно обсуждать свою подругу, пусть и бывшую. Поищите других одноклассников.

Ёнён опешила от такой внезапной перемены настроения, тем более ее удивили последние слова. Не дожидаясь следующего вопроса, Ынчжи поднялась с места, держа сумку в руках.

– Я узнаю контакты других одноклассников и отправлю вам СМС... а, нет, позвоню вам на домашний номер. Если у вас появится сотовый, напишите мне. Тогда отправлю смс.

Ёнён была растеряна от того, насколько резко сменилась обстановка. Ынчжи повернулась и снова холодно посмотрела на нее:

– Я тоже хочу кое-что спросить. Как вы узнали мой номер телефона?

Ёнён тут же ответила:

– Мать Минсо дала мне. Разве она вам не представилась, когда звонила?

Глаза Ынчжи расширились от удивления:

– Мать Минсо? В смысле?

– Госпожа Санми вам ничего не сказала?

– Она просто представилась человеком, который помогает вам.

– Все верно. Я сейчас живу с госпожой Санми. Она заботилась обо мне, пока я была в больнице. Это она дала мне ваш номер телефона.

Чи Ынчжи засмеялась в недоумении, но вдруг ее лицо снова стало каменным. Она просто развернулась и вышла. Ёнён звала ее, но та даже не обернулась. Возмущение и непонимание захлестнули Ёнён, но встать с инвалидного кресла и побежать за Ынчжи она не могла. В замешательстве Ёнён еще раз громко позвала женщину по имени, отчего посетители за соседними столиками стали коситься на нее.

Все это выглядело очень странно. Сугён и Минсо были не разлей вода, всегда вместе. Тем более Минсо интроверт, а они обычно с близкими людьми тяжело расстаются. Тот факт, что во время последнего учебного года она нечасто видела подруг вдвоем, Ёнён списала на подготовку к выпускным экзаменам. Она даже представить не могла, что девочки прекратили общаться.

По какой же причине и когда это случилось? Сугён внешне никак не показывала, что произошел разлад. Видимо, внезапная молчаливость и была тем самым знаком. Если это так, то Ёнён сама упустила его.

В этот момент какая-то мысль промелькнула у нее в голове. Надо спросить у Санми. Может быть, она тоже не знала об этом. Но обычно мамы подмечают и интересуются, когда подруга дочери, которая раньше постоянно приходила, перестает появляться. Только Сугён мертва. Скорее всего, Санми ответит что-то типа: «На самом деле они к тому моменту уже давно не общались». Но Минсо наверняка приходила на похороны Сугён.

Такое вообще возможно? Одиннадцать лет заботиться о старшей сестре подруги своей дочери, с которой дочь уже и не дружила?

Ёнён никак не могла объяснить причины такого поведения Санми. Как бы она ни напрягала память – ничего. Прошло уже столько времени, что-то должно всплыть в голове. Хотя бы одно воспоминание. Только одно. Ёнён открыла глаза, у нее в голове крутился один и тот же кадр, четкий, как фотография, на котором она находится на крыше. Кроме этого момента, все было как в тумане. Может, ей следовало поглубже заглянуть в себя. Она определенно упускала

что-то важное. Кто-то явно намеревался ее убить. Кто-то с такими страшными намерениями до сих пор не пойман. *Значит, я по-прежнему в опасности? Знает ли тот, кто пытался меня убить, что я пришла в себя?*

– Вам помочь? – с улыбкой поинтересовался сотрудник кафе.

Ёнён вздрогнула от удивления. Видимо, заметив, что собеседница ушла, официант подошел поинтересоваться, все ли в порядке. А может, это был намек, чтобы она побыстрее покинула заведение. Ёнён никак не могла отделаться от навязчивых мыслей.

– Спасибо. Задвиньте, пожалуйста, стул.

– Не волнуйтесь, мы все уберем.

Сотрудник доброжелательно улыбнулся и снова вернулся за стойку. Все-таки обстановка в кафе придавала Ёнён спокойствия и действовала как анестезия, временно притупляющая боль. Дома надо будет обдумать разговор.

Ёнён взялась за колесо инвалидного кресла и стала выезжать из-за стола. Заехать сюда ей помог работник кафе, поэтому она не заметила, как здесь узко. Теперь Ёнён пыталась повторить этот маневр сама. Ей пришлось несколько раз выезжать, заезжать, менять угол поворота и начинать сначала. После нескольких попыток ей удалось выбраться из этого закутка. Наконец она была возле стула, на котором сидела с Ёнчжи. Осталось лишь немного проехать вперед. По широкому проходу, к выходу. Впереди ее ждала обычная неавтоматическая дверь, которую она не сможет сама открыть, но наверняка кто-то поможет, стоит ей только оказаться рядом. На этот счет она не переживала. Но сдвинуться с места Ёнён не смогла. Не дверь была преградой. Помеха стояла перед ней. Как обычно, прямо под носом.

Ёнён обернулась и взглянула на стол... На кружке Ёнчжи остался отпечаток губной помады, но кофе был практически не тронут.

Теперь Ёнён поняла, что именно казалось ей странным, когда она смотрела, как Ёнчжи пьет кофе. Ее горло совершенно не двигалось.

Глава 5

Ёнён вернулась домой, зашла в гостиную и включила ноутбук, лежащий на журнальном столике. Нужно было много всего найти. Ситуация развивалась совсем не так, как она предполагала. На ноутбуке Санми был установлен пароль. Ёнён придвинулась к телефону:

– Это я, Ёнён. Извините, что отвлекаю вас от работы. Я бы хотела воспользоваться ноутбуком, но там стоит пароль.

В телефонной трубке раздавался шум офиса, Ёнён стало немного неловко.

– Ноутбук?

– Да.

– А-а, – слышалось в трубке, как будто Санми пыталась что-то вспомнить. – Тебе ноутбук нужен. Пароль: 9210! В конце обязательно поставь восклицательный знак. Специально такой придумала. Говорят, пароли только из цифр легко взламывают.

– Спасибо.

Закончив разговор, Ёнён бросилась к ноутбуку. Как только она ввела пароль, появился рабочий стол. Ёнён немного растерялась перед экраном, который видела впервые в жизни. Радовало, что по-прежнему пользовались «Windows», правда, он сильно изменился. Честно говоря, Ёнён удивило и то, как ноутбук выглядел, он был такой тонкий. Видимо, вся техника стала тоньше, начиная с мобильного телефона.

Стоило ей зайти в интернет, как удивление и замешательство начали сменять друг друга. Внешний вид сайтов изменился до неузнаваемости. Они стали такими красочными, броскими, что рябило в глазах. Все было настолько удобно и красиво, словно оформлением занимались настоящие художники. Она посмотрела, что еще есть на экране. В остальном там были знакомые элементы: поисковое окно, шрифты и прочие функции.

Любоваться было некогда. В строке поиска Ёнён набрала «Старшая школа Семун». Весь экран заполнился свежими статьями. Ёнён взглянула на дополнительные ключевые слова. Ей сразу бросилось в глаза: «Самоубийство в старшей школе Семун».

Самоубийство... То, во что она не верила и отказывалась даже допускать, оказалось правдой. Преодолевая волнение, она нажала на поиск, выпало четыре статьи. Из-за давности событий почти все уже исчезло, даже из цифрового пространства; осталось только несколько заметок. Даже фотографии к этим статьям не загрузились.

23 января в старшей школе Семун произошел инцидент. Старшеклассница Ким из выпускного класса совершила самоубийство, прыгнув с крыши школы. Данное происшествие вызвало большой резонанс и недоумение граждан. Ученица уже сдала выпускные экзамены и была в одном шаге от весенних каникул. Руководство школы выражает соболезнования близким и обязуется раскрыть подробности происшествия. В кармане школьной формы пострадавшей было обнаружено подобие предсмертной записки, но полиция объявила, что не может раскрыть ее содержание в СМИ по просьбе семьи погибшей.

В последнее время случаи самоубийств среди старшеклассников, которым предстоит сдавать выпускные экзамены или которые получили низкие баллы, участились. Это говорит о назревшем кризисе в системе образования. Самоубийства, став типичным явлением в нашем обществе, теперь являются не личной трагедией каждой отдельной семьи, а общенациональной катастрофой.

Данное происшествие должно стать отправной точкой для того, чтобы обсудить тот прессинг, под которым находятся школьники в период государственных экзаменов в Корее...

Дочитав до этого места, Ёнён нажала на следующую статью, но там было идентичное содержание. Меняя слова в поиске, Ёнён пыталась отыскать что-нибудь еще, но выходили

только однотипные статьи. В конце концов она закрыла ноутбук с ощущением впустую потраченного времени.

Все не то! Ёнён хотелось кричать во весь голос. Разочаровалась в жизни из-за оценок? Они хоть какое-то расследование провели? В полиции узнали хоть что-то о жизни Сугён? Как они вообще могли такое заявить: «причиной стало разочарование из-за оценок».

Сугён никогда не жила ради оценок и была вполне довольна своими результатами на экзамене. К тому же она даже получила письма из нескольких колледжей, в которых сообщалось, что она успешно прошла вступительные испытания. Есть два варианта: либо полиция провела расследование, но репортеры, как обычно, написали половину статьи из головы, либо на самом деле в полиции халатно отнеслись к расследованию.

«В кармане школьной формы пострадавшей было обнаружено подобие предсмертной записки, но по просьбе семьи погибшей...» Строка из статьи заставила еще раз задуматься. Ёнён снова открыла ноутбук.

Выходит, в школьной форме было обнаружено нечто похожее на предсмертную записку. После этого Ёнён тоже попадает в происшествие на той же крыше, и все ее вещи куда-то пропадают.

Значит, предсмертная записка... Настроение внезапно ухудшилось. Что же там было написано? Она даже представить себе не могла. И почему она отказалась предать общественности содержание этой записки? Она не помнила. Что в той записке могло подтолкнуть к такому решению? Когда Ёнён пришла в себя, она заметила, что бьет себя кулаком по голове. Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!

Ёнён не понимала, кем она стала. Она опустила кулак и разжала пальцы, пригладила волосы, начиная с макушки. Она еще не привыкла к новой стрижке до плеч. Раньше у нее всегда были длинные волосы. Но в больнице ей периодически их подстригали. Она дотронулась ладонью до лица. Кончики пальцев как будто касались чужой кожи. Раньше она не была такой грубой. Ощущения были совсем другие.

Пока Ёнён спала, прошло одиннадцать лет. Колумбарий, сосуд с прахом, Сугён... Все это она пережила в двадцать три. Оба решения, кремировать сестру и не раскрывать содержание предсмертной записки, принимала двадцатитрехлетняя Ким Ёнён.

Вдруг девушка что-то нащупала:

– Что у меня здесь выскочило?

Она резко открыла глаза. Недавно, хотя нет, одиннадцать лет назад в один из дней она смотрела вместе с Сугён телевизор, и они разговаривали. Она протянула руку к лицу Сугён, говоря, что вся ее щека покрылась прыщами. Как же тогда отреагировала сестра? За всю жизнь у Сугён ни разу не было прыщей. Но тогда появились.

Ёнён нужно было докопаться до подробностей жизни сестры. Она должна узнать, какой была Сугён. Ёнён вспомнила, что сестра часто сидела в «Cyworld»³. Она быстро набрала в строке поиска название соцсети, но знакомая страница не появилась. Что же случилось?

Пришлось выискивать информацию на форумах. Оказалось, соцсеть давно не существует. Все страницы и аккаунты были удалены. Хотя Ёнён не особо интересовали соцсети, у нее тоже имелась там страничка, и иногда она на нее заходила. Но теперь все заблокировано, ничего не осталось.

Тогда Ёнён попробовала зайти на свою почту. Но там не было ничего особенного, кроме рекламного спама и счетов.

На этот раз она попробовала зайти под логином сестры, для этого надо было вспомнить пароль. Сугён, так же как и Ёнён, обычно пользовалась одним и тем же паролем, пока сам сервис сайта не заставлял принудительно его сменить в целях безопасности. Ёнён вспомнила

³ Популярная корейская социальная сеть в начале 2000-х годов.

недовольное лицо сестры, которая жаловалась на такую неудобную политику сайтов. Однажды после такой принудительной смены пароля она его забыла, потом пришлось долго бороться с системой, чтобы снова получить доступ к почте.

Ёнён знала один пароль, которым Сугён точно пользовалась несколько лет, не меняя. Тем более то, что послужило основой для этого пароля, тоже не менялось последние годы. Это код дверного замка и последние четыре цифры в номере телефона Сугён. Эти цифры и дают нужный пароль.

Появилась надпись: «Аккаунт пользователя неактивен». Во всплывающем окне Ёнён нажала на строку «Восстановить аккаунт» и снова ввела пароль. Аккаунт разблокирован.

Кликавая дрожащей рукой, Ёнён стала досконально изучать почтовый ящик Сугён. Он был полон писем, пришедших до того, как аккаунт заблокировали. Рекламные рассылки, письма-оповещения с сайтов, где сестра была зарегистрирована. Даже после ее смерти эти бессмысленные письма регулярно приходили, лишь их количество постепенно уменьшалось. Переходя от письма к письму, Ёнён наконец дошла до 2009 года.

Но и там не было ничего особенного. Совсем ничего. Раньше друзья общались друг с другом по электронной почте чаще, для этого даже была специальная электронная карта. Но вскоре смартфоны, вобрав в себя множество функций, постепенно вытеснили другие сервисы. Где-то с той поры количество писем сильно сократилось. Наверняка Сугён чаще общалась с друзьями по СМС.

Ёнён просмотрела все письма от сообществ, на которые была подписана сестра. Была даже группа «Встречи любителей сериалов», где люди делились своими впечатлениями и мыслями о кино.

Для того чтобы изучить весь список групп, в которых состояла Сугён, Ёнён вышла на основную вкладку сообществ, поиск которой занял много времени – слишком непривычный был интерфейс. В конце концов она попала, куда хотела.

«Группа, которую вы ищете, не существует».

Выходит, и эта группа тоже давно прекратила существовать.

Нигде не было никаких зацепок, позволявших узнать причину, по которой Сугён выбрала смерть. Время стирает все. *Насколько далеко мне надо погрузиться в прошлое?*

Возможно, нужно восстановить события, которые произошли до падения с крыши и комы. Как говорил врач, ее последние воспоминания относятся к 17 января 2009 года, но для нее это всего месяц назад. В больнице Ёнён пыталась пробиться сквозь пелену к собственным воспоминаниям об этом периоде, но из-за того, что ей непрерывно вводили транквилизаторы, все они были слишком поверхностные.

Ёнён решила снова погрузиться в глубины своей памяти. Ей не надо отыскивать что-то новое, нужно лишь вспомнить то, что у нее и так имелось. Она закрыла глаза, и в голове сразу возникла до боли знакомая картинка.

Самая обычная суббота. Она пыталась разбудить раскинувшую во все стороны руки и ноги Сугён, но в конце концов сдалась и оставила ее спать дальше. Хотя самый важный экзамен, от которого зависели дальнейшие планы на жизнь, прошел, сестры так ни разу и не позавтракали вместе. Сугён просто валялась, как винтик, выпавший из механизма. На удивление, в тот день Сугён встала пораньше. Ёнён приготовила завтрак, и они вместе сели за стол.

– Таким, конечно, не наешься... – нахмурилась Сугён, сев напротив сестры.

– Не нравится? Поешь пока это.

– А мяса нет?

– Нет... Сегодня пойду на рынок, на ужин будет.

– Я сейчас хочу.

– Хочешь, проверь в холодильнике, – ответила Ёнён с небольшим раздражением, глядя на застывшее лицо Сугён.

Было немного непривычно видеть с утра слегка припухшее лицо младшей сестры. Чем она вообще недовольна? Ёнён была в замешательстве: Сугён не из тех, кто жалуется и обижается по малейшему поводу.

– Тебе так сильно хочется мяса? Вечером обещаю приготовить.

– Кажется, этот мир по уши в дерьме. Какой вообще смысл к чему-то стремиться?

– Что за разговоры такие? Не дали мяса – так ты уже на баррикады готова лезть?

Сугён еще что-то ответила, но Ёнён не запомнила. Она резко открыла глаза. *Почему я не догадалась тогда? В тот день сестра вела себя странно, да и общалась тоже совсем не как обычно.* Вечером на столе было мясо. Но Сугён не стала есть. Ни тогда, ни сейчас Ёнён не понимала почему. Тогда она просто не спросила, а сейчас спросить было уже не у кого. Сугён больше нет. Спокойная суббота, последний день, оставшийся в памяти Ёнён, который прошел мирно, без особых происшествий и был похож на многие предыдущие выходные. Ёнён вытерла слезы с лица.

В этот момент раздался звук дверного замка – Санми вернулась с работы. Ёнён не заметила, как быстро пролетело время и настал вечер. Снимая обувь, женщина бросила взгляд на распухшее лицо Ёнён и с удивлением сказала:

– Почему ты плачешь?

Ёнён опустила голову. Санми не стала приставать с расспросами. Она вытащила из сумки сложенный вдвое лист.

– Вот, распечатала электронное письмо. От Минсо.

Ёнён обрадовалась ему как нежданному подарку. Она быстро вытерла слезы и взяла листок. Письмо было распечатано из приложения «Блокнот», в глаза бросался невыровненный текст и слишком крупный шрифт.

– Я не спец по компьютерам. Даже скриншот и печать экрана сделать не могу. Пришлось скопировать и вставить в заметки, поэтому вышло не очень аккуратно, – смущенно объяснила Санми, но Ёнён уже была полностью поглощена содержанием письма.

Ёнён, привет! Это я, Минсо. Даже не верится, что ты будешь читать это письмо. Это правда? Трудно поверить...

Мне очень жаль, что я сейчас в Америке и не могу с тобой встретиться лично. Я была потрясена, когда узнала, что ты очнулась! Это просто удивительно! Я очень рада и счастлива за тебя, даже плакала от радости... Для меня это как чудо, подаренное небесами.

Я не так часто тебя навещала, как хотелось бы, но всегда по тебе скучала. И по Сугён... Вы обе для меня были очень важны, и когда с вами обеими случилось такое, моя жизнь полностью перевернулась. Я даже не помню, как перенесла тот год.

Прошло несколько лет, ты не приходила в себя, а Сугён навечно ушла туда, откуда невозможно вернуться. В моей жизни все шло не так, как надо, поэтому я отправилась в Америку. У меня было желание продолжить учебу, но, честно говоря, больше всего мне просто хотелось сбежать куда-нибудь.

Пишу сейчас эти строчки и вспоминаю, как часто раньше обращалась к тебе за советом. Ёнён, я действительно очень скучала по тебе. Была бы рада увидеть тебя снова. Когда же это произойдет?

Я и не думала, что так тяжело получить степень доктора наук, сейчас у меня нет ни секунды свободной. Хотела тебе позвонить, но у тебя еще нет телефона. Плюс из-за разницы во времени тяжело подобрать правильный момент для звонка, но давай обязательно созвонимся как-нибудь.

Слышала от мамы, что ты пытаешься разузнать, что же именно случилось с Сугён. Обязательно разузнай, почему Сугён сделала такой выбор. Я не смогла этого выяснить, но верю, что у тебя получится.

Ёнён, спасибо тебе. Скоро снова споемся! Береги себя, не болей, и желаю тебе все вспомнить. Буду ждать новостей.

Минсо

Руки дрожали. Видно, что Минсо, которая писала это письмо, была уже не той девятнадцатилетней девушкой, а взрослой женщиной. Как же сильно захотелось увидеть ее! Как она теперь выглядит? Наверное, сильно изменилась. В памяти вдруг всплыла сцена, как однажды они вдвоем ужинали дома.

Санми подошла и взяла листок из рук Ёнён, но сразу же вернула, незаметно прикрепив желтый стикер для заметок.

– Это адрес электронной почты Минсо, теперь можешь ей писать сама. Сегодня я обязательно найду время и отыщу твою сумку. Тебе, наверное, очень тяжело без вещей.

Не в силах даже поблагодарить, Ёнён беззвучно заплакала. Не зная, как поступить, Санми не решилась подойти, она только стояла и наблюдала. Сегодня ночью тридцатичетырехлетняя женщина выплачет все свои слезы, которые до сих пор держала в себе. Ёнён прижала письмо к груди. Сестра мертва, но ее подруга, которую она любила больше всех на свете, повзрослела и отправила это письмо. Дорогое, как сокровище.

Санми вышла, сказав, что пойдёт искать сумку, а Ёнён осталась одна в гостинной. Она по-прежнему крепко сжимала письмо в руке. Взгляд упал на адрес электронной почты. Почему она об этом не подумала?

Ёнён открыла ноутбук и зашла на главную страницу Google. Перед ней предстал прекрасно организованный сайт. Она немного замешкалась, но потом в строке поиска набрала никнейм Сугён.

Конечно, никаких комментариев, написанных сестрой в группах, которые больше не существуют, не высветилось, но появилось несколько комментариев на других сайтах, где она регистрировалась.

«Центр помощи подросткам, оказавшимся в сложной ситуации» – онлайн-консультация – анонимный форум.

Сердце оборвалось. Стоило нажать на ссылку, как сразу открылся сайт. Форум пока еще существовал, но как таковых реальных пользователей здесь уже давно не было. Комментарий датировался декабрем 2008 года, пришлось долго перелистывать страницы, пока не появилась запись, оставленная Сугён. Это было уже после того, как она сдала экзамены в школе.

«Расставание с близким другом равнозначно потере всего».

Рука, державшая мышку, задрожала. Это точно был ник Сугён. Маловероятно, чтобы ник, которым Сугён всегда пользовалась, случайно совпал с ником другого человека. Не верится, что эта запись сделана ее сестрой.

Расставание с близким другом...

Эти слова обжигали взгляд.

У Минсо помимо Сугён, как оказалось, была еще одна подруга, Чи Ынчжи. А может, был кто-то еще? Как же мало она знала о Сугён. Но гораздо более неприятным оказался тот факт, что она даже не догадывалась, что так мало знает о своей сестре.

* * *

Послышался чей-то голос.

Ёнён нахмурилась и полностью открыла слипающиеся глаза. Перед ней кто-то стоял. Комната освещалась единственным ночником сбоку от кровати. Человек находился в комнате и смотрел на Ёнён. Она испугалась.

То ли из-за того, что Ёнён смотрела из глубины темной комнаты на свет мерцающей лампы, то ли из-за того, что Санми замучилась перерывать чулан в поисках сумки, но выглядела женщина зловеще с темными кругами под глазами и запавшими щеками.

Отбросив последние остатки сна, Ёнён резко села. Оглянувшись, она поняла, что лежит на кровати, при этом она совершенно не помнила, как оказалась здесь и уснула. Ёнён вспомнила, что не приняла лекарство, прописанное в больнице. Она уже собиралась заговорить, но Санми первая нарушила молчание, держа что-то в руках.

– Я нашла твою сумку.

Тяжелые, опухшие от слез веки, словно под них напихали ваты, широко открылись. Все тело горело.

– Та самая сумка, с которой я была в день происшествия?

Она заметила, как из темноты Санми кивнула в ответ.

– Спасибо.

Протягивая сумку, Санми неловко улыбнулась и сразу вышла из комнаты. Ёнён снова осталась одна. Сонливость вмиг испарилась, сознание стало ясным как никогда. В огромном полиэтиленовом пакете лежала розовая сумка. Наверное, ее так упаковали в больнице – для длительного хранения.

Ёнён отлично помнила, что она обычно носила в сумке. В плоской косметичке лежала всякая мелочовка, а в маленьком внутреннем кармане она хранила помаду и пудру; еще Ёнён часто брала с собой блокнот, кошелек и книгу. Она не могла забыть это, ведь всего месяц назад носила эту книгу с собой. Но книги на месте не было. Все, кроме книги, так и лежало в розовой сумке. Ёнён заглянула в кошелек. Банковская карта, удостоверение личности с фотографией, сделанной в двадцать лет, только денег не было. Все остальное на месте.

Но важно не это. Хотя из сумки в целом ничего и не пропало, содержимое выглядело слегка по-другому. За исключением карт и документов.

Сама розовая сумка была не ее. Помада и пудра тоже были не те, которыми она пользовалась. Отличался и внешний вид, и бренд. Старый поношенный кошелек тоже был не ее. Только что живо обыскивавшая сумку, Ёнён в отчаянии опустила руки, которые напоминали сломанные ветви.

Ёнён не могла представить, чтобы за один месяц, исчезнувший из памяти, она успела купить все новое, включая сумку. Тем более в этот период погибла Сугён. Разве у нее могло появиться время и желание, чтобы делать покупки?

По всему телу пробежала дрожь. Может, пока сумка хранилась в больнице, кто-то подменил ее вещи?

Глава 6

«Ток-ток-ток-ток».

Именно так Сон всегда имитировала звук ударов ножа по деревянной разделочной доске. Муж настаивал, что это звук «так», но Сон не соглашалась. Разделочные доски бывают из различных материалов: пластик, стекло, но Сон использовала только деревянные. При этом особую страсть она питала к натуральным доскам, изготовленным вручную из камфорного дерева. Едва уловимый запах, доносящийся до кончика ее носа, когда она использовала такую доску, поднимал ей настроение.

Муж совсем не разделял подобной страсти. И не мог понять привычку жены покупать по пять-шесть деревянных досок и выставлять их на кухне как на витрине. И даже возмущался:

– В чем смысл тратить столько денег на какие-то доски?

«Ток-ток-ток-ток».

Прислушиваясь к звукам ножа, Сон резко остановилась из-за внезапно посетившей голову мысли. *Если ему так жалко денег на доски, зачем он покупает цветы каждую неделю? Выходит, он живет так, как ему нравится. А мне нельзя?!*

Следом пришла другая мысль: «Если б он действительно любил меня, разве он жалел бы деньги на покупку досок?» Сон нахмурилась. *Он точно меня любит? Я точно выбрала правильного мужчину?*

Раздался звук мобильного телефона, который лежал на столе. Сон положила нож на доску и развернулась. Пришло сообщение от Чо Синхи. Сон с раздражением взяла телефон в руки: она смирилась с сообщениями в групповом чате, но на личные сообщения они не договаривались.

«Госпожа Сон, вы не пользуетесь мессенджером? Уже прошло несколько дней, но вы так и не посмотрели сообщение. Вот я и решила написать вам лично. Мы сейчас определяем дату совместного ужина. Скажите, когда вам удобно, тогда мы сможем принять окончательное решение».

Сон видела, что в групповом чате несколько дней назад начали что-то активно обсуждать, но она не читала бесконечно появляющиеся там сообщения. Она совершенно не хотела участвовать в этом. На лице Сон было явно видно раздражение. Немного задумавшись, она отправила ответ: «Была занята. Скоро посмотрю. Спасибо за заботу». Как только она это сделала, на экране телефона отобразился входящий звонок от мужа.

У него была привычка: на работе после обеда, как только появлялась свободная минута, он звонил жене. Сон снова задумалась: «Это контроль или забота?» И есть ли вообще разница? Она нажала «ответить», из трубки донесся голос мужа, старающегося быть веселым:

– Что делаешь?

– Готовлю ужин.

– Уже? Я же вернусь не меньше чем через четыре часа.

Сон ничего не ответила, лишь улыбнулась:

– Ты пообедал?

– Конечно.

Казалось, он не решался что-то сказать. Но что именно? Сон неспешно ждала. Вдруг снова послышался голос мужа:

– Может, сменим обстановку сегодня и сходим куда-нибудь?

С чего это вдруг?

Муж никогда не предлагал ничего подобного. Прижав телефон плечом к уху, она повернулась, встала перед разделочной доской и взяла в руки нож. Сок из нарезанных овощей впи-

тывался в доску, овощи будто умирали, лишившись крови. Мерзкий вид расчлененных овощей напоминал труп человека.

– Особо не хочется, там как-то холодно и зябко, – ответила она честно. *Поймет ли он мое настроение?* Сон считала, что не каждый может.

Кажется, муж немного растерялся. Она перестала слышать в трубке его ритмичное дыхание. Вдруг Сон показалось, будто она не одна дома. На этот раз атмосфера не поменялась. Сон задумалась, что же это могло быть.

– Я сегодня вернусь пораньше, – закончил разговор муж, не дожидаясь ответа. Сон не расстроилась и не обиделась. Она уже думала совсем о другом.

Вчера, пока Сон была в ванной, ей позвонили с неизвестного номера. Но когда она в спешке подбежала к телефону, звонок оборвался. Сон перезвонила, но никто не ответил. Кто это был, она не знала, но этот звонок что-то в ней всколыхнул.

Она положила телефон на стол и вернулась к разделочной доске. Обезвоженные овощи уже потеряли аппетитный вид. Но выбрасывать их было жалко. Сон снова схватила за нож. Вдруг телефон завибрировал. На экране высветился неизвестный номер, с которого за день до этого звонили. Нож выпал из рук, и Сон схватила телефон.

– Алло? Кто это?

В трубке сначала послышалось дыхание, а затем чей-то голос произнес: «Это я». Сон сразу поняла, кто это. Ничего не ответив, она ждала, что дальше скажет собеседник. «Давай встретимся».

* * *

Сон начала нервничать. Она включила телевизор и села на диван, поджав под себя одну ногу. У нее не было ни сил, ни желания что-либо делать.

В этот момент муж вернулся домой. Он заметил, в каком она состоянии, и с испуганным видом побежал к ней. Он стал засыпать ее вопросами, а в ответ Сон лишь качала головой:

– Ничего не случилось. Ужин готов. – Она показала на стол. Ее пальцы дрожали. Муж заметил это.

– С тобой все в порядке? А? Почему ты в таком состоянии?

Лицо мужа дрожало так же, как кончики ее пальцев. Похоже, он переживал за нее... Точно понять было невозможно. Ведь все люди разные. Есть и такие, у которых лицо начинает трястись от гнева. Вокруг нас множество людей, идеально умеющих скрывать свое истинное лицо. Сон с тревогой взглянула на мужа.

– Мне позвонили, – еле слышным голосом сказала она.

– Что за звонок? От кого?

Попав под град вопросов, Сон осознала, что допустила большую ошибку, обмолвившись о звонке. Это не то, чем можно поделиться с мужем. Нельзя рассказывать ни в коем случае. Но муж ждал от нее ответа.

– От знакомой.

– Что за знакомая? – Беспокойные вопросы как гром звучали в ее ушах. Муж склонил над ней голову. Сон поняла: надо хоть что-то ответить. Все ее тело охватила мелкая дрожь:

– Старая знакомая, из школы.

– Что это за знакомая такая, что ты вся расклеилась? Кто она?

Сон сожалела о сказанном. *Зачем я рассказала? Почему не скрыла? Как же это утомляет.*

– Да была одна... Я тебе о ней не рассказывала, ты ее не знаешь. Ну, мы и не особо общались.

– Тогда почему ты так дрожишь?

Схватив Сон за плечи, муж стал трясти ее. Тело девушки болталось из стороны в сторону, в такт его движениям. Сон посмотрела ему в глаза. В этот момент она осознала, насколько меньше него. Муж хотел было что-то сказать, но она зажала его рот рукой:

– Милый, ты разозлился?

– О чем ты говоришь? – сказал он в недоумении.

– Ты... ударишь меня?

– О чем ты вообще говоришь? – закричал муж и вскочил на ноги.

Он внезапно стал еще выше и тенью навис над ней. Сон съежилась. В последнее время она слишком странно себя вела. У мужа были все основания злиться на нее. Страх овладел ею.

Муж стоял, уперев руки в бока, и, медленно дыша, пытался успокоиться. Он опустил руки и встал на колени перед ней. Сон сидела на диване. Они смотрели друг другу в глаза, находясь в полной тишине. Было очевидно, что муж хочет сказать что-то важное. Его губы дрожали:

– Ты... снова за старое?

Сон не могла понять, почему их разговор вдруг перешел в это русло. Только что они говорили совсем о другом. Муж смотрел куда-то вдаль и выглядел задумчивым:

– Давай для начала передохнем.

Муж поднял свою огромную руку и погладил ее по лицу. Он встал на ноги. Он явно устал.

– Пойду поем.

Кажется, муж решил сначала поужинать. Он оставил ее на диване и направился к столу. Но его шаги становились все медленнее, как будто его что-то удерживало. Обдумывая сказанное, Сон безо всяких мыслей смотрела ему вслед. Стоя у стола, он заслонял весь вид на кухню. В этот момент она вспомнила, что не приготовила ужин. Она бросила свое занятие в тот момент, когда стала нарезать овощи. Муж повернулся и посмотрел на нее. Во взгляде читалось что-то странное:

– Ты снова за старое?

Этот внезапный вопрос прервал ее мысли, вытеснив необходимость объяснять звонок одноклассницы.

– Ужин не готов, что ли? Зачем сказала, что готов?

– Извини. Забыла обо всем.

– Ты вообще о чем думаешь сегодня? – В его голосе слышалась агрессия.

Сон инстинктивно съежилась. Не о такой замужней жизни она мечтала. На этот раз вывод не был ни ошибочным, ни поспешным. Похоже, муж всерьез разозлился. Брови взметнулись вверх, глаза расширились. Обе щеки вздувались, как пузыри раскаленного масла.

– Да что с тобой такое!

Сон опять вздрогнула, испугавшись его внезапно громкого возгласа.

– До каких пор ты будешь жить, ни о чем не думая? Давай рассказывай, что у тебя произошло сегодня!

Широкими шагами он направился к ней. У Сон в страхе забегали глаза, она искала, где ей укрыться. Есть четыре секунды на раздумья. И она придумала, куда спрятаться за такое короткое время.

От стола до дивана муж дошел за две секунды. Это драгоценное время ушло впустую, потому что Сон сидела в оцепенении. Муж преодолел половину дистанции, потратив на это еще полсекунды. В этот момент Сон наконец поднялась, взобравшись на диван, в надежде хоть немного увеличить расстояние между ними. Ситуация накалилась до предела. Когда он почти подошел к ней и сделал последний шаг, Сон бросилась к входной двери. Но муж сразу среагировал на это и молниеносно сменил направление движения, перепрыгнул через диван и схватил Сон.

Она замерла и посмотрела на него.

Глава 7

Поначалу каждый шаг давался с трудом, но наконец Ёнён научилась ходить самостоятельно. Теперь она могла передвигаться, не держась за комод, полки или стены. Шел десятый день, как ее выписали из больницы, и седьмой после встречи с Чи Ынчжи. Тогда Ёнён четко уяснила для себя: сидя в инвалидном кресле, сложно добыть необходимую информацию. Даже если невозможно беседовать на равных, по меньшей мере надо выглядеть достаточно уверенно.

В тот день Ынчжи отнеслась к ней с пренебрежением, не приняв всерьез ее настойчивость. Впредь, чтобы добыть нужную информацию от собеседника, нужно не показывать настойчивое отчаяние, а оказывать настойчивое давление. Необходимо оставаться спокойной и вежливой, но при этом твердо гнуть свою линию.

Ёнён уяснила эту истину еще за короткий трехлетний период работы в компании. Вести себя покладисто и угодливо поначалу, может, и выгодно – вы получите дивиденды в виде сочувствия, – но со временем такое поведение вызовет лишь пренебрежение и безразличие. По рабочим вопросам чаще всего ей приходилось общаться с коллегами за тридцать. Она была по меньшей мере на десять лет младше них. По сравнению с ней они выглядели умнее, сообразительнее и лучше выполняли рабочие задачи, при этом были более жесткими. Именно этого не хватало молодой Ёнён.

Ёнён полностью погрузилась в поиск информации о смерти своей сестры и поэтому забыла, как благодаря уверенности в себе не подвергаться презрению от вышестоящих и получать то, что тебе надо.

Ёнён понимала: вскоре она обязательно сможет ходить, как все нормальные люди. Поэтому, ожидая звонка от Чи Ынчжи, она все свое время посвятила тренировкам и ходьбе.

Несмотря на то, что ей долго пришлось пролежать без движения, результат не заставил себя долго ждать, а все благодаря ощущениям, которые вспоминало ее тело. Она полностью вернула себе способность ходить и ничем не отличалась от других. Только прыгать пока не научилась. Ходила она медленно, но это запросто можно было списать на ее уникальную естественную походку.

Ёнён взяла в руки телефон. Санми практически сразу ответила. С того дня, как она получила сумку, это был их первый разговор. Даже по выходным Санми уходила рано утром и возвращалась домой поздно, не оставляя ни малейшего шанса поговорить с ней.

– Сегодня мне надо сходить по делам. Меня может не быть дома, когда вы вернетесь с работы. Решила вас об этом заранее предупредить.

Санми с удивлением ответила:

– Куда собираешься? Опасно еще тебе.

– Со мной все будет в порядке. Я уже могу ходить. Бегать, правда, не получается.

– А куда тебе надо?

– Так, пройтись по разным местам. Не знаю точно, сколько это займет времени. Может, уже и вечер настанет.

– По каким это местам?

Немного колеблясь, Ёнён ответила:

– Это связано с Сугён. И еще... я бы хотела сегодня вечером или завтра утром с вами увидеться и поесть вместе. За все это время мы ни разу не ели вместе.

Повисла тишина.

– Только по этой причине?

– Не поняла. – Ёнён растерялась. С одной стороны, Санми окружила ее заботой, но с другой – в ее поведении было много странного. Особенно это проявлялось в ее словах, смысл которых Ёнён не всегда улавливала. Правильнее всего будет назвать это странной реакцией:

– Ты хочешь поесть со мной, потому что мы еще ни разу вместе не ели?

Было трудно понять, голос Санми доброжелательный или холодный. Ёнён не совсем понимала, почему та спрашивает. Поэтому, выдержав паузу, девушка ответила:

– Нет, не только. Честно говоря, хотелось бы с вами посоветоваться.

– Хорошо, теперь понятно.

– Когда вам удобно, утром или вечером?

– Лучше сегодня вечером.

– Хорошо, спасибо! Я всегда буду вам благодарна.

– Да что уж там. Это лишнее.

Ёнён положила трубку и задумалась. *А какие отношения сложились между нами?*

До того как погибла Сугён, можно было по пальцам пересчитать количество их встреч. С тех пор как Сугён и Минсо подружились, наверное... раз семь встречались. Ёнён и Санми несколько раз были друг у друга дома, когда Сугён засиживалась у Минсо или наоборот. Однажды они, оставив школьниц заниматься в комнате, сидели за чаем на кухне и разговаривали. В основном говорили о будущем и учебе Сугён и Минсо. Ёнён попыталась вспомнить, о чем именно тогда говорила Санми. Кажется, что-то такое:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.